

Подспорье

Приложение к газете «Горатник» Союза борьбы за народную трезвость

Издается с мая 2001 г.

№ 7(165)

сентябрь 2016 г.

Год М.Д. Чельшова

Речь депутата М.Д. Чельшова, докладчика Комиссии о мерах борьбы с пьянством по законопроекту, ею выработанному. (Заседание Государственной Думы Российской Империи 21 и 22 января 1911 г.)

Продолжение, начало в газете «Подспорье» № 6(164)

Конечно, вопрос о том, где пьют больше и где пьют меньше, есть вопрос очень серьезный. Я на это обращаю внимание членов Государственной Думы. У нас пьют меньше на окраинах, но центр России, центр страны, т. е. население, создавшее мировую державу, оно пьет, в среднем, около ведра на душу. Поэтому ссылка, которая делается в таких случаях на иностранные государства, я скажу прямо, нечестная, потому что надо брать то, что пьет страна, а не окраины. Есть еще другое положение – это количество потребления спиртных «напитков» в среднем на жителя. Но, гг., всем нам известно, какой состав каждой семьи за границей. За границей у всех народов детей меньше, чем в России. У нас приходится, в среднем, на семью пять-шесть человек, а за границей от двух до трех, так что из семьи там пьет один только хозяин, т. е. тот, который добывает деньги, который зарабатывает. И вот это-то количество потребления спиртных «напитков» за границей приходится умножить на три, а у нас приходится помножить на шесть. Это количество, помноженное на шесть, и будет количеством, потребления спиртных «напитков» на семью (*а выпивает это количество, как сказано выше, один, может, два члена семьи – ред.*). Государство есть не отдельные жители, а есть отдельные хозяйства, которые несут на себе тяготу налогов и обязанностей. Так что это указание, гг., имеет очень серьезное значение. Но есть еще другое положение. За границей большинство живет не так, как у нас: у нас в стране население больше живет в деревне и меньше в городе. Вот, гг., предо мной лежит статистика – какой процент населения за границей и у нас живет в городах и деревнях. В Англии живет в городах 77% и в деревнях 23%; в Германии – в городах 54,4%, и в деревнях 45,6%; во Франции – 40,9% в городах и 59% в деревнях; в Дании – 38,2% в городах и 61,8% в деревнях; в Италии – 26,4% в городах и 73,6% в деревнях; в Соединенных Штатах – 25,8% в городах, 74,2% в деревнях; в Швеции – 22,2%, в городах, 77,9% в деревнях; в Венгрии – 17,2% в городах, 82,8% в деревнях, а в России – 12,8% в городах и 87,2% в деревнях. Я это привожу потому, что в городах люди живут при других экономических условиях: в городах все люди живут или работают на фабриках, служат в конторах или занимаются в конторах; они не находятся в том тяжелом экономическом положении, в каком находится наше честное трудолюбивое крестьянство. Большинство в городах живет 20-м числом; они в год получают 12 урожаев, а некоторые, на фабриках, получают 52 урожая в год. Так что они

получат жалование и, если его пропьют, то будут голодать только до будущего жалования. Наше стомилионное крестьянство во всей своей массе уплачивает все налоги, несет все повинности, а получает урожай один раз в год, и если крестьянин вовремя не сумеет сохранить этого урожая, плода своих непосильных трудов, – а в последнее время подвержена ужасным колебаниям ценность их продуктов, – он останется нищим, голодным на целый год. Если бы эти условия были за границей, то, поверьте, и там чувствовалась бы такая же нужда. При такой системе наш крестьянин не может делать сбережений. Я уже вам имел честь указывать, что в Самарской губ. потребление спиртных «напитков» в зимнее время, если мне не изменяет память, падает до 60.000 вед. в месяц, а в октябре доходит до 160.000 вед., т. е., другими словами, потребление почти в три раза увеличивается, и это увеличение бывает тогда, когда собран народом урожай, и он несет его в казенку. Дальше, гг., я не могу еще не указать на следующее положение. Когда говорят, что за границей пьют много, то при этом вопросе меня интересовала мысль: а как же велико пьянство в России, т. е. потребление спиртных «напитков» нашим населением, находящимся в одинаковых условиях с иностранным? У нас, в нашей России, по составу населения, живущего в городах и деревнях, подходят к другим странам губернии Московская и Петербургская. Я задался целью исследовать, каково количество потребления спиртных «напитков» в Петербурге по сравнению со странами, которые имеют городское и сельское население пополам. Вот, предо мной лежит доклад финансовой комиссии. Здесь приведена, на стр. 6, справка, которая говорит, как велико потребление алкоголя 50% раствора, т. е. водки. Оказывается, здесь выведено, что во всей России потребление даже понизилось. Здесь, в этом докладе говорится, что с 1895 г. по 1904 г., – почему-то взяты года почти что назад 15 лет, а не последней статистики, но я опираюсь на эти цифры, – здесь говорится, что потребление в России 4,8 литр. в 50%, на всю Россию. Я это количество перевожу для Петербурга и для Москвы. Оказывается, в Петербургской губ. потребление в 1907 г. 1,72 вед. в 40° или 20,65 литров, в 100° – 8,26 литров, а в 50° – 16,5 литров. Вот вам потребление русским народом спиртных «напитков», народом, живущим в одинаковых экономических условиях, как и наши соседи. Есть ли одна страна, которая пила бы 16,5 литров водки? Вы видите, что в Австро-Венгрии водки потреблялось 10,2 литров, в Швеции – 7,1,

в Дании – 14,7, в Бельгии – 8,3, в Голландии – 8,2, в Германии – 8,5, во Франции – 8,14, в Швейцарии – 4,17, в Америке – 4,65, в Норвегии – 3, и в Италии 1,17. Вы ясно видите, что ни одна страна, кроме нас, не потребляет 16,5 литров, а поэтому ссылка, что там потребляют более нас, – неправильна. Русский народ, живущий в одинаковых условиях, пьет больше, чем пьют за границей. Но, г., есть еще другое положение. В тех странах, которые приводятся нам в пример, которые живут в других политических условиях, существует свобода в более распространенном смысле и более понимается народом. Там свобода настолько распространена, что насильно кабаков не ставят. Если бы там была такая политика, как у нас, то я посмотрел бы, что было бы с теми странами! Еще другое: там народ, может быть, культурнее, богаче нас. Приведу пример, который будет ясным и доказательным, что эти страны могут расходовать известную сумму на спиртные «напитки». Буду приводить цифры в миллиардах франков. В Англии пропивают 4.500.000.000 фр. или 12% народного дохода; во Франции – 3.500.000.000 фр. или 14% дохода; в Германии – 3.500.000.000 фр. или 14%; в России – 2.700.000.000 фр. или 17%. А доход казны с алкоголя: в Англии: 28%, во Франции – 15%, в Германии – 17%, в Бельгии 17%, в России 33% – 1/3. Народных богатств в долларах на душу в Англии приходится 1.481, во Франции – 1.250, в Германии – 689, в Бельгии – 971, а у нас, в России, народного богатства на душу имеется 235. Другими словами, мы беднее некоторых стран в шесть-семь раз, а расходов на спиртные «напитки» у нас несколько не меньше. Не могу не указать еще на то главное, о чем я говорил и раньше, на то, что там пьют спиртные «напитки» не в том ужасном растворе, вредном для населения, как у нас. Во Франции – 85% спиртных «напитков» приходится на долю вина и пива и только 15% на долю водки. А у нас – 83% на долю водки и 17% на долю других спиртных «напитков». Г., я не могу еще не указать на то, что финансовая комиссия в своем докладе приводит в пример Америку; тут говорится, что мероприятия, предпринятые в Америке для борьбы с пьянством, не возымели никакого действия. Это заключение я считаю необходимым выяснить здесь, потому что оно приложено к напечатанному докладу финансовой комиссии, которому многие здесь придают значение. (*Чумаем*): «Мероприятия, – говорят они, – последнего рода (законодательные меры) не прекратились с появлением частных общественных организаций, действующих в том же направлении. Наоборот, частные организации не сразу утратили веру в практиковавшиеся прежде способы борьбы. Однако, принятые по настоянию этих организаций меры законодательного характера не возымели действия. Попытка наиболее радикального способа разрешения вопроса об алкоголизме – совершенное воспрещение продажи спиртных «напитков», сделанное в некоторых штатах Северо-Американских Соединенных Штатов, в действительности привела к обратному результату». Они заявляют и стараются доказать, что принятые в Америке попытки борьбы с пьянством не привели к желательному результату, а, напротив, даже сделали хуже, но это они берут, опираясь на г. Скаржинского, который был командирован, как я уже говорил, Министром Финансов в Америку. Г. Скаржинский говорит, что в штатах с запретительной системой (*Чумаем*): «1) потребление спиртных «напитков» не

уменьшилось; 2) количество нарушений пьяными общественной тишины и ареста их больше, чем в остальных штатах; 3) количество преступлений больше; 4) материальное благосостояние жителей ниже; 5) смертность от пьянства выше, и 6) нравственность вообще, не лучше». Это доводы г. Скаржинского, повторяю, командированного Министром Финансов в Америку для изучения борьбы с пьянством. Против этих доводов я приведу вам другие доводы, доводы не чиновника Министерства Финансов, ездившего за границу. В нашем докладе приложено мнение присяжного поверенного Смирнова, я не буду приводить выписки из него, но попрошу его прочесть, и вы увидите ясно, что доводы г. Скаржинского неосновательны и неверны. Но я считаю необходимым указать вам только на статью доктора Герко, который критикует путешествие Скаржинского. Он говорит (*Чумаем*): «Все это, пожалуй, возразит нам г. Скаржинский, не препятствует, что потребление алкоголя в Соединенных Штатах, невзирая или вследствие запрещения, увеличивается». В качестве доказательства он приводит статистику потребления за 1899 г. и 1907 г., по которой душевое потребление всех спиртных жидкостей (водки, пива) с 16,81 галлонов возросло до 23,53 галлонов. Увеличилось на 50%, торжествуя, говорит г. Скаржинский. В действительности же лишь на 40%; замечание это, между прочим. Главное же, что Скаржинский умолчал о статистике 1908-1909 гг., о которой во время своего пребывания там он уже знал или о которой он мог бы и должен был бы знать. Эти два года дали большое уменьшение потребления, по крайней мере, водки. В 1907 г. всего было выпито 134.031.066 галлонов; на душу – 1,63 галлона. В 1908 г. – 118.703.594 галлона; на душу – 1,44 галлона. В 1909 г. – 114.693.578 галлонов, а на душу 1,37 галлона». Ясно, г., что потребление там меньше, чем говорит г. Скаржинский. Но я, г., не могу не остановиться более подробно на труде Матти Гелениуса, который был командирован из Финляндии для изучения этого вопроса. Гелениус особенно поражен был этим докладом г. Скаржинского. Поэтому в Америку и был командирован М. Гелениус, который дает следующее свое подтверждение. Труд этот, изданный Матти Гелениусом, специально командированным Финляндией в Соединенные Штаты Северной Америки для изучения на месте вопроса о результатах и значении полной запретительной системы производства, ввоза и продажи каких бы то ни было спиртных «напитков». Гелениус на месте изучал этот вопрос и пришел к выводам, совершенно не совпадающим с выводами Скаржинского, командированного нашим Министром Финансов. Он говорит (*Чумаем*): «Необходимость запретительной системы в Северо-Американских Соединенных Штатах покоится на следующих основных мотивах: 1) спиртные «напитки» поглощают ежегодно неимоверно огромные суммы денег; 2) потребление их ослабляет работоспособность и продуктивность труда; 3) оно увеличивает в высокой степени нищету и преступления; 4) оно понижает способность граждан в случае нужды защищать свое отечество; 5) долг государства и общества защищать женщин и детей, делающихся беззащитными, благодаря пьянству мужчин». Рузевельт в 1904 г. сказал, что «если американский народ не сможет обуздать алкогольную промышленность, то она завладеет народом». Гелениус пишет (*Чумаем*): «Какое основание было бы у заинтересованных в алкогольной промышленности яро напа-

дать всегда на запретительный закон, если бы он не был наилучшим средством для борьбы с алкоголизмом?» Далее он говорит (*Чумаем*): «Статистические данные о штате Мэн, где запретительная система существует с 1851 г., сторонниками алкогольной промышленности распространяются в искаженном и ложном виде, и не могущий проверить их читатель вводится в заблуждение. При точной же проверке данные эти оказываются в большей части ложными». Данные об экономическом благосостоянии штата такие (*Чумаем*): «Почти каждый третий житель штата Мэн, включая детей, имеет свою сберегательную книжку». – А у нас это есть? – «В 1905 г., на каждого вкладчика приходилось в среднем 376 долларов, а на каждого жителя 113 долларов 92 цента. В 1900 г., живущих в собственных домах было во всех Соединенных Штатах в среднем 46,4%, в штате Мэн 65,8%; в наемных помещениях жило во всех Соединенных Штатах Северной Америки 53,6%, а в штате Мэн – 35,2%; свободных от залога было: во всех Соединенных Штатах – 68,5%, а в штате Мэн – 75,6%; заложенных во всех Соединенных Штатах – 31,5%, а в штате Мэн – 24,4%. Цифры эти ясно доказывают, какие результаты дает трезвость народная для народного благосостояния, в смысле собственности, в смысле сбережений на черный день и в смысле задолженности. На один миллион жителей приходилось заключенных в тюрьмах: в Соединенных Штатах – 1.315. чел., а в штате Мэн – 774 чел. С 1880 г. до 1890 г., число пригреваемых в приютах для бедных уменьшилось в Соединенных Штатах на 154 чел. на каждый миллион жителей, а в штате Мэн – на 563 чел. Число душевно-больных уменьшилось в Соединенных Штатах на 133 чел., а в штате Мэн – на 411 чел.» Из этого, г., ясно видно, что в Северной Америке, в штате Мэн, с прекращением продажи спиртных «напитков», или, другими словами, с ослаблением народного потребления спиртных «напитков» улучшилось благосостояние страны, поднялась трудоспособность, уменьшилась нищета и заболеваемость душевной болезнью. Относительно же штата Канзас губернатор штата в своем отчете за 1905 г. писал, что (*Чумаем*): «С введением запретительной системы многие из наших тюрем опустели; работа полицейских властей в больших городах уменьшилась на одну четверть, а в городах третьего и четвертого ранга полицейская деятельность сводилась на нет». В 1905 г. губернатор г. Гох писал в отчете своем (*Чумаем*): «Я не думаю, чтобы где-нибудь было более интеллигентных, нравственных, зажиточных и честных людей, чем среди населения Канзаса. Особенно мы имеем основание гордиться нашим юношеством. Его образование лучшее, нежели получаемое в атмосфере узаконенных шинков». Это, г., отчет американского губернатора. В 1907 г. тот же губернатор Гох высказывается, что запретительная система принесла много добра народу в воспитательном, нравственном и экономическом отношениях. «Я полагаю, – пишет он, – что ни один народ на земном шаре не пользуется таким прогрессом и благосостоянием, как население Канзаса, и нигде благосостояние не распределено так равномерно». Это документ, г., который не приведен г. Скаржинским, а приведен г. Гелениусом, он свидетельствует о совершенно противоположном, нежели то, о чем говорит заключение г. Скаржинского*. Известный писатель Чарльз Челдон в 1906 г. писал, что, благодаря запретительной системе, есть в Канзасе города с 10.000-м населением,

в которых месяцами не совершается ни одного преступления и в которых нет нужды в приютах для бедных. По официальным данным из 105 округов штата Канзас в 16-ти в течение 1899 г. не было потребности ни в одном приюте для бедных, из 46 тюрем, инспектированных в 1901-1902 гг., семь были пусты и в 25-ти было лишь от одного до пяти заключенных. Вот вам, г., результат другого исследования, который ясно говорит, что в Америке, в тех штатах, где борьба с алкоголизмом поставлена на правильную почву, тюрьмы пустуют, юношество благородно и вполне годно для защиты страны. Чарльз Поллок пишет о штате Северная Дакота, что в округах штата Кассовском, Трайльском и Стилском – с 51.000-м населением тюрьма два раза была совершенно пуста. А у нас г., у нас места не хватает в тюрьмах, мы чуть ли не каждый год ассигнуем крупные суммы на расширение тюрем, на улучшение довольствия арестантов, на вознаграждение тюремных чиновников. «Алкоголь всегда с социальной точки зрения должно рассматривать так же, как яд, – пишет Гелениус. – Запретительная система – единственный логический выход из предпосылки, из которых должно исходить при решении социального алкогольного вопроса, раз население и общество созрели для этого, и американская запретительная система покоится поэтому на правильном, твердом фундаменте. Для решения алкогольного вопроса следует принимать в расчет лишь две системы законодательства: право местного коммунального запрещения производства, ввоза и продажи

*) Наблюдения и заключения г. Смирнова, приложенные к докладу вашей комиссии, в противовес заключениям г. Скаржинского, доказывают фактически и статистически, что:

1) в американском обществе укоренилась глубокая антипатия к пьянству и выпивкам, что относится и к штатам, где кабаки еще существуют;

2) потребление в сравнении с Европой очень низко, даже если считать потребление, падающее на многочисленных эмигрантов;

3) идея абсолютного запрещения быстро растет и за 4 последних года территория с запретительной системой выросла вдвое (40.000.000 населения);

4) в «сухих» штатах спиртных «напитков» достать нельзя и шинкарства нет или почти нет, так как за соблюдением закона следит не только общество, но и власть;

5) смертность в «сухих» штатах меньше;

6) преступность в «сухих» штатах ниже и преступность, обыкновенно, уже через год и раньше уменьшается вдвое, она неизменно падает и тюрьмы пустуют;

7) материальное благосостояние с введением запретительного закона быстро увеличивается, количество сирот и призреваемых падает, растут операции по постройке зданий;

8) запретительные законы почти всюду способствуют росту просвещения, давая возможность учиться детям, которые раньше помогали пьяным отцам кормить семьи (например, в шт. Канзас уже через 3 месяца после закрытия кабаков в школы записалось до 600 мальчиков и девочек и, вместо обычных 6-8 добавочных учителей, там теперь их 18.

спиртных «напитков» и общий запретительный закон. Первый подготавливает почву, расчищает путь для введения второго». Гелениус упоминает одно место из органа винных и пивных заводчиков. Это очень интересно, г., прошу повнимательнее послушать (*Чумаем*): «Если мы позволим, пишут винокурные заводчики, еще несколь-

ко лет расти в такой мере антиалкогольному движению, то нашему существованию грозит гибель. Винные, пивные заводы и трактиры будут закрыты или должны будут работать далее под опалой и проклятием». Такое мнение органа заинтересованных в алкогольной промышленности является, пишет Гелениус, лучшим доказательством истинного воздействия и значения американского запретительного закона». Гг., из этого доклада, кажется, ясно, что ссылки на границу после этих доводов не имеют никакого основания; не должно нас утешать тем, что мы будто бы потребляем спиртных «напитков» мало, и поэтому нам можно быть покойными и не принимать никаких радикальных мер в этом вопросе. Гг. борьба необходима, но я не могу не указать, что борьба эта не легка, борьба с этим злом, вкоренившимся в народную жизнь, впусившим глубокие корни в народную душу, очень трудна; трудна потому, что, как я уже имел честь вам говорить, не все знают, что они отравляются ужасным ядом, не все знают, что они через это отравляют потомство; трудна еще борьба потому, что, как я вам заявлял, само Министерство Финансов идет навстречу этой отраве, оно пропагандирует ее и распространяет; я вам в настоящее время приведу циркуляр Министра Финансов от 12 сентября 1907 г. Он имеет название: «Относительно открытия заведений трактирного промысла с продажей крепких напитков». Вот что здесь говорится (*Читаем*): «В виду возникшего как в обществе, так и в печати вопроса о необходимости принятия мер к ослаблению тайной продажи крепких «напитков» и распития вина на улице, с указанием, что одной из мер, могущих повлиять на ослабление тайной питейной торговли, является увеличение числа трактирных заведений, я признал желательным обсудить в Совете по делам казенной продажи питей вопрос о том, в какой форме могло бы быть осуществлено означенное мероприятие. Совет по делам казенной продажи питей, прежде всего, обратил внимание на то, что в настоящее время число заведений трактирного промысла с продажей крепких «напитков» в районе казенной винной операции сократилось свыше, чем в десять раз, числа трактирных заведений, существовавших до введения казенной продажи питей. Незначительное количество трактирных заведений, особенно же простонародных трактиров, объясняется частью ограничением их числа, частью же невыгодностью содержания простонародных трактиров, как в виду стеснительных требований, предъявляемых к трактирам обязательными постановлениями о них, на что было обращено внимание в циркуляре от 6 сентября сего года за № 1638, так и в виду обложения их высоким раскладочным сбором. Несомненно, что значительное сокращение числа трактирных заведений, как в городах, так и во внегородских поселениях, способствует развитию тайной продажи вина и его распитию на улицах. Но уменьшение числа трактирных заведений, конечно, является лишь одной из причин указанных явлений и потому увеличение числа трактирных заведений не представляется возможным считать радикальной мерой для устранения уличного пьянства, тем более тайной продажи вина. При суждениях об открытии трактирных заведений надлежит не упускать из вида следующего обстоятельства. Законом 22 апреля 1906 г. установлено свободное открытие пивных складов и лавок в городах, а циркулярным распоряжением Министра Финансов от 1 июля 1906 г. за № 1495 преподать управляющим ак-

цизными сборами указания о желательности льготного разрешения открытия распивочных, пивных лавок вне городских поселений. Но означенное льготное открытие пивных лавок не касается распивочных пивных лавок, торгующих горячими кушаньями, так как по положению о трактирном промысле такие лавки отнесены к трактирным заведениям, открытие которых в городах, по-прежнему, на основании ст. 560 Уст. Акц. Сбор., зависит от усмотрения местного управляющего акцизными сборами и губернатора. Хотя я не придаю, как это указывалось выше, увеличению числа трактирных заведений с продажей крепких «напитков» значения радикальной меры для устранения тайной продажи вина и уличного распития, но полагаю, однако, возможным остановиться на увеличении числа этих заведений, как на одном из средств, которое могло бы быть противопоставлено. В виду этого, согласно заключению Совета по делам казенной продажи питей и по соглашению с Министром Внутренних Дел, я признаю желательным: 1) по возможности не стеснять трактирных заведений, как в городах, так и вне городских поселений, где существует несомненная потребность в таких заведениях, в особенности же в местностях, которые были указаны в ныне отмененной ст. 520 Уст. Акц. Сбор., изд. 1885 г., а именно: в селениях, имеющих не менее 5.000 душ обоего пола, а из селений с меньшим населением, во всех базарных, торговых, промышленных и фабричных селах, а также при станциях железных дорог», у пристаней и перевозов больших рек, на проезжих трактах и вообще в местностях значительного скопления или проезда посторонних людей, и 2) не стеснять без крайней, по местным условиям, необходимости открытия пивных лавок с продажей горячих кушаний при условии, конечно, благонадежности в акцизном отношении соискателей на содержание означенных лавок». Гг., это ведь равносильно нашествию монголов на Россию – свободное разрешение в России открывать трактирные заведения и пивные лавки. А результаты? Результаты прямо поразительные, я говорю о последних годах. Предо мной лежит справка, сколько было питейных заведений раньше и сколько их теперь. В 1899 г. было казенных и частных лавок 25.441, а в 1908 г. 48.327. Что, гг., Правительство делало хорошее дело, насаждая кабаки для спаивания народа, для отравы его и приведя этим к такому национальному позору, который мы переживаем? Чтобы не быть голословным, я укажу на следующее. Даже в то время, когда с этой высокой трибуны народные представители заговорили о нетерпимости такого порядка, который царит в стране, что пора уже уменьшить пьянство, то что же – Правительство уменьшило число кабаков? Вот вам результаты. В 1906 г. было 43.155 кабаков, а в 1907 г. их было 45.798, т. е. больше на 2.643 кабака, и в 1908 г. – 48.327, т. е. прибавилось 2.529 еще новых трактирных заведений, в среднем, прибавилось по 2.500 каждый год. Гг., когда школу открыть, училище построить, то у нас денег нет, и, мало того, не всем дают возможность открывать школы; для того, чтобы открыть школу, надо пройти почти что все, – огонь, воду и медные трубы – нужно быть благонадежным, нужно быть чистым, как хрусталь, и тут: школы сами стройте и года три хлопочите, а кабак открыть – мы вам поможем. Это позор для страны, позор для Правительства (Рукоплескания на отдельных скамьях). Борьба еще трудна в этом вопросе, потому что враг силен, враг силен как количественно, так и каче-

ственно (Булат, с места: это Правительство), потому что противники этого движения – люди культурные, люди материально обеспеченные, люди, пользующиеся высоким положением вверху, люди, влияющие на весь ход почти всей государственной жизни. Поэтому и за границей все эти вещи проходят с большим трудом. Мы знаем, что в Англии нижняя палата приняла закон об уменьшении пьянства, но палата лордов, состоящая, как нам докладывает печать, в большинстве из винокуров, вино-торговцев и пивоваров, этот святой закон отклонила. Перед этим, гг., стоим и мы (*Голос слева: в Думе винокуров много*). Я не могу не упомянуть и о том, чем можно объяснить, чем можно оправдать задержку нашего закона, который мы рассматриваем в течение четырех лет. Специальная комиссия, избранная по этому вопросу, выработала доклад и внесла его в Думу весной 1908 г., а теперь наступает весна 1911 г., ровно через три года мы приступаем к рассмотрению его. Я заявляю, что причина та же, что и в Англии: такая реформа, полезная для крестьян, полезная для рабочих, кому-то нежелательна и кому-то грозит материальным разорением; поэтому и задерживают ее и тормозят. Если бы не было этого, то мы давно имели бы этот закон и видели бы его результаты, не расходясь отсюда, не сложив своих полномочий; но мы этого не будем видеть, потому что я сомневаюсь, что он успеет пройти в Государственном Совете, и наша работа, наши труды по этому вопросу, – а труды, я говорю, серьезные, потому что члены комиссии состояли в большинстве из крестьян, они сами вникали в этот вопрос, интересовались на местах, собирали справки и материалы, – эти труды могут пропасть даром. Гг., я еще обращаю внимание на другое положение, что во всех наших докладах, т. е. не в наших, а противников наших, как в законе Министра Финансов, так и в докладе финансовой комиссии, так и в докладе судебной комиссии, ни разу не говорится, что такое есть спиртные «напитки». Я об этом говорил, скажу еще раз и должен говорить, кричать об этом, что спиртные «напитки» есть яд, яд ужасный. Они этого не говорят, они это замалчивают, хотя это хорошо им известно; это тоже одна из причин затушевать этот вопрос, скрыть опасность для народа и не довести до сведения широких масс. Все это опять результаты противодействия народному желанию отрезвиться. Все то, что делалось в Америке, гг., есть и у нас. Я не могу вас не познакомить с тем, что делалось в стране, которая была первым инициатором в борьбе с пьянством. Я считаю это необходимым, и потому, хотя я вам и указывал, что надо прочесть доклад Смирнова, я все-таки вам из него процитирую. Смирнов говорит (*Читаем*): «На съезде одного из обществ трезвости в 1878 г. было принято предложение приняться за агитацию в пользу законодательного запрещения торговли всякими спиртными «напитками». Была изготовлена петиция и выбран комитет для начинания работы. Через два месяца к этому решению присоединилось и другое общество трезвости. Тогда обратились к представителям республиканской партии, бывшей тогда у власти, и получили от них поддержку. Движение против кабаков стало смущать противную сторону. И кабатчики со своей стороны устроили съезд. На этом съезде они открыто называли представителей движения за трезвость «фанатиками и дураками», «людьми, лишенными всякого практического, здравого смысла», а самое движение «законодательной игрой в бирюльки, незаконнорожден-

ным гермафродитом», и вынесли резолюцию: «мы никогда не окажем поддержки и доверия тому предприятию или торговцу, кто будет голосовать за это предложение, направленное против нашей собственности и прав». Газета Atlantic Messenger заметила и опубликовала по поводу этого съезда следующее: «просматривая списки членов его, мы с трудом находим американское имя. Таким образом, толпа иностранцев, бежавших из своей страны от ига деспотизма и военной тирании, имеет смелость открыто заявлять, во имя их личной свободы, что они употребят политическое насилие над всяким, кто только будет голосовать против их взглядов». Угроза пивоваров, вместо того, чтобы погасить, только подняла и углубила дух энтузиазма приверженцев трезвости. Они принялись за агитацию с новой энергией и вместе с тем объявили, чтобы ни газеты, стоящие за них, ни ораторы, выступающие в их пользу, никогда не опускались бы до личных нападок на кабатчиков, хотя бы к тому последнее и давали поводы. Кабатчики не жалели денег, усилий, пуская в ход все, чтобы воспрепятствовать проведению нового закона в жизнь. Надо сказать, что тогда в штате Айова было около 2.000 питейных заведений, кроме пивоварен и водочных заводов. Некоторые из кабатчиков подчинились и ликвидировали свои дела, но другие продолжали торговать, как и прежде, без застенчивости нарушали новый закон, нанимали для защиты дорогих адвокатов, употребляли всяческие средства, чтобы противиться закону. Лицам, особенно энергично работавшим над тем, чтобы заставить кабатчиков соблюдать новый закон, рассылались подметные угрожающие письма. Членам обществ трезвости угрожала опасность как относительно их имущества, так и относительно здоровья и жизни. Дом главного деятеля трезвенников, автора упомянутой брошюры – Феллоуса – подвергся ночью обстреливанию кирпичами. Адвоката обществ трезвости схватили раз ночью на улице, сорвали с него платье и вымазали ему спину дегтем. Дом вице-президента общества трезвости и двух членов общества был совершенно разрушен динамитом, подложенным неизвестно кем под фундамент. В Джорджа Хеддока, отличавшегося наиболее энергичным преследованием нарушителей нового закона, стреляли и убили его наповал. Должностные лица, если они делали донесение, или выступали адвокатами со стороны трезвенников, также подвергались нападению и они терпели всякие притеснения. В г. Кеокике было 40 питейных заведений, девять аптекарей, продававших спиртные «напитки», и две пивоварни. После проведения нового закона начальник полиции издал приказ о закрытии всех этих заведений. Но к нему сейчас же посыпалось свыше 40 угрожающих писем. Оставаясь твердым в своем решении, начальник полиции составил 55 обвинительных актов на незаконную продажу вина, и с содержателей питейных заведений было взыскано 22.000 р. штрафа. Такими твердыми мерами контрабандная продажа спиртных «напитков» сразу же была остановлена, и в 1889 г. в г. Кеокике не оставалось ни одного места продажи крепких «напитков». Так штат Айова стал, по выражению американцев, «сухим». Гг., это было в Америке. Этот пример я привел для того, чтобы указать вам на то, что и у нас в настоящее время происходит то же самое. Предо мной вырезка из «Нового Времени», где говорится о бывшем съезде винокуренных заводчиков в Петербурге. Послушаем, чем они здесь занимались. А вот чем

(Читаем): «Товарищ председателя съезда В.П. Муромцев открыл прения по этим законопроектам* весьма резкой речью. Она свелась к двум, трем положениям: надо, во что бы то ни стало, затормозить оба законопроекта, всеми способами избавиться от них: это-де насмешка над интересами винокуров и сельских хозяев, недалеко уже выборы в четвертую Государственную Думу, постараемся же послать в нее других представителей. Общее настроение съезда оказалось вполне солидарным с этим оратором. Последующие ораторы говорили в том же духе.

*) Об изменении порядка заготовки спирта для казенной продажи питей и о равномерном распределении среди народа винокурных заводов.

Член Государственного Совета, статс-секретарь А.С. Ермолов, который два года назад открыл в своем имении винокурный завод, высказался тоже против новых законопроектов. Во время прений неоднократно упоминалось имя депутата Челышова с оценкой, весьма не лестной». Вот вам, г., картинка из русской жизни. Не то ли у нас делается, что и в Америке? Винокуры грозят тем, кто будет голосовать против них, запрещением попасть в Думу четвертого созыва. Другими словами, они говорят: пошлем в Думу только кабатчиков и лиц, им сочувствующих. Всякий, кто хочет бороться с пьянством в ущерб винокурным заводчикам, не имеет права высказывать свои мысли здесь (*Голос слева: верно*). В другой вырезке говорится (*Читаем*): «Винокурные заводчики решили принять деятельное участие в выборах в четвертую Государственную Думу, чтобы энергично противодействовать избранию в члены Думы активных противников народного пьянства». Г., до какого нахальства доходят люди, говоря публично такие вещи (*Рукоплескания справа*). Неужели для них народная жизнь, народное здравие стоит на втором плане, а их личные интересы на первом? При чем, я вам заявляю, что среди них нет людей бедных, нет крестьян, рабочих, а все это люди богатые, материально обеспеченные, интеллигентные, и эти люди ни перед чем не остановятся, чтобы затормозить народную трезвость. Я вам покажу, что они делают. Я не могу, г., не привести еще одну картинку из нашей думской жизни. Предо мной лежит вырезка из газеты «Земщина». Когда мы здесь, г., голосами крестьянских депутатов, голосами крайних правых и крайних левых отклонили премию винокурным заводчикам и не дали им добавки к 17.000.000 р. еще 2.400.000 р., *) один из депутатов, фамилии которого я не назову,

*) См. стр. 351—355.

фамилия его указана в газете «Земщина», вышел, волнуясь, так как этот депутат имеет винокурный завод и состоит председателем съезда винокурных заводчиков, и заявил: «Радуетесь, что провалили премии заводчикам? Но я вас тоже порадуя – будьте уверены, – что за такое голосование скоро отправитесь домой. А вы, Гузь, – сказал он, увидев крестьянина, члена Думы от Черниговской губ., – вы, уж, конечно, опять в Думу не попадете*. Г., да ведь этот поступок не имеет названия. Мы призваны сюда Государем Императором свободно высказываться, а нам эти держиморды рот зажимают. Я не могу хладнокровно по этому вопросу говорить, потому что на мне лежит обязанность пред моими избирателями

вскрыть это больное место пред государством и пред вами (Голоса справа: фамилию, фамилию назовите). Я уже говорил здесь, что враг силен как качеством, так и количеством, силен тем, что он сплочен и организован.

*) «Земщина» № 495; 5 декабря 1910 г.:

Взбешенный винокур. После обсуждения в последнем заседании Госуд. Думы ассигнования 2,5 млн. на выдачу премий винокурным заводчикам, причем ассигнование было, как известно, отвергнуто, - в Екатерининском зале разыгралась любопытная сцена.

Из зала собрания выбежал в чрезвычайно растрепанных чувствах председатель общества винокурных заводчиков, шталмейстер князь Голицын и, увидев группу разговаривающих крестьян, начал кричать: – Радуетесь, что провалили премии заводчикам? Но я вас тоже порадуя – можете быть уверены, что за такое голосование скоро отправитесь домой. А вы Гузь, – дополнил разгневанный винокур, увидев крестьянина члена Думы от Черниговской губернии, – вы уж, конечно, опять в Думу не попадете!.. – Это мстительное стремление князя уязвить сердца голосовавших против винокурных премий крестьян (вообще, очень чувствительных к возможности роспуска Думы) объясняли вчера в Думе особым положением князя. Дело в том, что князь Голицын, так сказать, винокур в чистом виде. Незадолго „до дней свободы" он ликвидировал свои громадные имения, и весь вырученный капитал пустил под винокурные заводы. Это предприятие оказалось для князя чрезвычайно удачным – и доход капиталы князя стали давать большой, и получилась полная свобода выражать в качестве левого октябриста свои симпатии кадетской программе. Тем с большим, конечно, ужасом отнесся князь к возникновению в Думе «челышовского» движения против казенной водочной монополии. Когда же в последнем заседании Думы это движение выразилось в форме реальной угрозы барышам винокуров, князь естественно совершенно потерял духовное равновесие.

- Как еще он драться не полез, удивительно... – говорили люди, знакомые с повышенной чувствительностью князя к вопросам, связанным с винокурными барышами.

По поводу этой же выходки князя вчера в полукупольном зале произошел интересный спор между двумя октябристами, правым – Гололобовым и левым – Стемпковским.

Г. Стемпковский горячо нападал на тех, кто голосовал против винокурных премий, доказывая, что они не имели права отвергать ассигнование, пока существуют законы, устанавливающие эти премии, и доказывал, что с этой точки зрения угрозы князя Голицына имели под собой логическое основание.

- Это же бессмысленное голосование, подрывающее уважение к законам! Нужно же это было конкретно разъяснить крестьянам, - говорил г. Стемпковский.

- Ну, а когда г. левые октябристы, почетный опекун Лодыженский, князя, графы, предводители дворянства и проч. принимали кадетскую формулу по поводу запроса о Хорольском, разве не следовало им конкретно разъяснить, что принятие такой чисто революционной формулы есть действие, подрывающее уважение и к власти и к закону? – возражал Я.Г. Гололобов...

Все они находятся в союзе, и я скажу вам, какими средствами они обладают. Мы 19.000.000 р. ассигнуем с этой трибуны премии винокурным заводчикам, и когда на рынке спирт стоит около 50 к. за ведро, Правительством у них покупает без торгов около 1 р. за ведро, платит 82 к. в среднем, передавая ежегодно около 36.000.000 р. народных денег, ни много, ни мало, 36.000.000 р. винокурным заводчикам, покупая спирт келейным образом. А когда слушается закон о начальном просвещении для детей рабочих и крестьян,

Правительство отказывает в 5.000.000 р. Так вот из этих премий, получаемых с избытком винокуренными заводчиками, – естественно, деньги бешеные, – из них они могут отчислить известный процент на пропаганду пользы потребления спиртных «напитков» и на подкуп тех органов печати, которые нуждаются в материальных средствах, а такие у нас есть. Поверьте, вопрос будет замолчен и он не дойдет до народных низов и масс, на которые должно опираться государство. Мы можем только использовать эту высокую трибуну не с целью издания закона, который даст право народу над кабаком, даст ему волю над кабаком, а только как средство пропаганды. Г., ведь мы ничего не сделали, никакого закона мы не издали, а уже против нас закопошились, зашумели, зашипели, словно как змеи, чтобы не дать воспрянуть народному сознанию. Мы ничего не сделали, мы внесли только закон, который дал бы народу право над кабаком, а они уже принимают меры, грозят, застрашивают, и, скажу более, преследуют, а народ сознает петлю кабацкую, которая на его шею висит, этот гнет кабацкий хуже крепостного права, он тяжелее татарского ига, потому что к народу, когда он будет трезвый, все к нему придет само-собой, все придет и предложится; сытому народу не нужно идти под плети и под пули по чьей-то указке, все у него будет свое дома. Г., теперь эта борьба тяжелее, чем раньше; когда спаивали народ кабатчики, их презирали и ненавидели, закон о них так говорил, а народ не выбирал кабатчиков ни старшиной, ни старостой церковным, ни гласными, а теперь, г., за торговлю спиртными «напитками» акцизным чиновникам дают не только чины, но и орденами награждают, и теперь права ограничения по отношению к ним у народа нет. Мы видим, что кабатчики сидят гласными и даже в палатах; это одни из самых опасных для нас, трезвенников, сильных противников, потому что эти люди материально заинтересованы. Я уверен и думаю, что лица, уважающие себя, лица, ценящие высокое собрание, по обычаю, освященному десятками лет, как в городской думе, так и в земских собраниях, когда обсуждают вопросы, лично их касающиеся, то эти лица по этим вопросам уклоняются от баллотировки. Я думаю, что в этом высоком собрании винокуренные заводчики и кабатчики – они есть, я только не буду их называть, они и так известны – при решении этого вопроса, в котором они заинтересованы, должны с честью выйти отсюда, чтобы сохранить свое честное и порядочное имя. Также, г., трудно и опасно нам бороться с этим вопросом по следующим причинам. Народным учителям, я имел честь уже докладывать, платят гроши, и чиновникам других ведомств платят гроши, и офицерам платят гроши, а больше всего платят лицам, служащим по винному делу. Естественно, туда выбираются самые дельные, самые способные и развитые, которые блестяще ведут дело. Поэтому-то трудно нам будет бороться. Ведь чиновники, которые служат для народа, – я укажу на Министерства Внутренних Дел, Земледелия, Путей Сообщения, Православного Исповедания, – они по сравнению с чиновниками акцизного ведомства, получают всего 50%, а местами даже меньше. Но, г., самый сильный наш противник и самый опасный наш враг, самый тяжелый, с которым нам придется долго считаться, это есть вкоренившийся в народные массы обычай. Обычай заразителен, обычаю подвержены почти все,

обычай есть почти массовое самовнушение. На основании обычая многие принимают приемы обращения, даже походка вызывается обычаем, также и разговор. Следовательно, обычай есть один из самых тяжелых для нас противников. Тард в своей книге «Законы подражания» говорит (*Читаем*): «Нет правительства более мелочного и деспотичного, нет законодательства строже соблюдаемого и более сурового, чем обычай». Вот этот обычай надо будет искоренить из народа, это работа не легкая, работа, которую сделать законом нельзя; нельзя сделать ни приказом, ни запретом, обычай можно только уничтожить воспитанием; воспитывать можно не сразу, воспитывать можно год, два, три, десятки лет. И перед нами это стоит; мы обязаны в школе внушать возрастающему поколению, что спиртные «напитки» есть яд, что это есть грех. И вот, таким путем, идя через школу, через армию, через церковь, идя против обычая, мы достигнем в будущем ослабления нашего противника, и тогда проснется в народе сознание и сознается весь вред. Для этой борьбы, г., недостаточно одной этой высокой трибуны, для этой борьбы необходимы силы всего общества, сплоченного общества, силы общества, как на местах, в деревне, так и в центре, потому что этот враг, обычай, имеет своих клиентов, одинаково имеет свои жертвы во всех слоях общества. Но, г., я укажу и на то, что Правительство не должно мешать этому движению общества; Правительство должно идти навстречу ему: если Правительство этого не сделает, если Правительство будет по старому глухо упорствовать и тормозить движение народное для счастья своего и для счастья своего потомства, то оно совершит, не скажу – один грех, оно совершит преступление пред страной. И для этого надо напрячь все силы, какие у кого есть, причем никто не должен говорить: я не имею средств, не имею способностей, не имею возможности помочь этому делу. В этом деле первый наш союзник тот, у кого проснется сознание, что борьба необходима; если только у каждого человека проснется сознание, что борьба необходима, то дело будет сделано. При этом, г., я еще укажу на следующее. Нам не нужно останавливаться ни перед чем. Потребуются, может быть, некоторые средства, некоторые хлопоты, их нужно будет сделать, средства надо будет ассигновать, все это окупится не сторицей, а в миллион раз народным здоровьем, народным достатком, народным благополучием.

Теперь я перейду к некоторым деталям. Кто является нашими противниками, кто тормозит это дело народного желания отрезвиться, кто протестует и кто потворствует? Пишут из Воронежа (*Читаем*): «Шинки считаются тысячами и не преследуются; иногда водка, отобранная полицией, возвращается акцизным ведомством шинкарям». Это, г., сообщение «Голоса Москвы»; здесь ясно, что с тайной продажей вина не борются акцизные чиновники, возвращают назад водку и протоколам не дают движения. Далее (*Читаем*): «Путивльское земство по докладу гласного-крестьянина о пьянстве в уезде решило довести до сведения Министра Юстиции, что тайная продажа в уезде достигла громадных размеров и причиняет такой вред местному населению, что с этим злом необходимо бороться как Правительству, так и обществу. Между тем, даже в тех случаях, когда полиция привлекала к ответственности и уездный член окружного суда налагал на виновного

соответствующее наказание, думский окружный суд уменьшал меру наказания до минимума, и тем самым наказания теряли всякий смысл». Здесь ясно говорится, что целое общественное управление, уездное собрание, создало вред потребления населением спиртных «напитков», признало разрушение его материального благополучия, признало всю безрезультатность его забот о народном просвещении, о санитарной и медицинской помощи и обратилось с приговором, который был сообщен земским начальникам, уездным членам окружного суда, но заключением окружного суда свелось все это на нет, т. е., другими словами, совершилось то же, что предполагается совершить здесь: комиссия специальная по законопроекту выработала меры борьбы с пьянством, в которых есть меры, карающие действительно шинкарей, карающие за дело, карающие правильно, и вот эти меры наши критикуются нашей судебной комиссией, которая с нашим приговором, с нашим заключением не согласна и все эти наказания наши отменяет, вводит наказания, которые никакого значения иметь не будут, а шинки опять существовать будут. Все поголовно знают, что шинки существуют, но против этого никто никаких мер не принимает. Я не могу также вам не процитировать нескольких писем моих корреспондентов по этому вопросу. Я считаю необходимым это сделать для того, чтобы я был не один; все эти тысячи писем, которые предо мной лежат, они все говорят, со всех концов России, что этот вопрос назрел, что это вопрос больной, что это вопрос о народной гибели, и все взывают к Государственной Думе, прося и умоляя ее вопрос этот, как можно скорее, разрешить. Вот, что пишут (*Чумаем*): «Я уполномочен своим сельским обществом ходатайствовать о том, чтобы пивные и казенные винные лавки в Борисполе были закрыты, этим обществом рассчитывается оставить у себя те сто с лишним тысяч, которые ежегодно пропивают жители. Я подавал прошение губернатору, Министру Финансов и на Высочайшее Имя, и всюду мне отказали». Гг., что это письмо говорит? (*Голос в центре: ничего*). Я слышу, здесь говорят, что письмо ничего не говорит. Да, гг., для тех, которые говорят, это – ничего, для тех горе народное – удовольствие. Дальше, гг., крестьянин говорит: «писал не только губернатору, писал Министру, и в результате ничего». Вот эти-то дошедшие с мест слова наводят меня на грустные размышления, что враг силен, враг упорен в своем настоянии и принимает всякие меры, задавливая народное чистое, святое желание быть здоровым и быть материально обеспеченным. Слов нет, может быть, это желание народное, это желание быть самостоятельным многим не нравится. Дальше крестьянин пишет (*Чумаем*): «Крестьяне приговором решили просить о закрытии у нас в селе казенной винной лавки. Но тут началась борьба Правительства с народным сознанием. По распоряжению губернатора собираются сведения, чтобы выяснить, не пострадают ли от этого расчеты акцизного ведомства. Можно быть уверенным, что лавка останется». Крестьяне постановляют приговор, чтобы закрыть казенку, командировается администрацией чиновник, который приезжает не закрывать кабака, а узнать, кто это агитирует в народе, чтобы закрыли лавку. Что от этого интересы казны не пострадают? Для них разорение, пожары их строений, гибель жен, дочерей и детей,

гибель всего населения – ничто, лишь бы казенный сундук был полон. Разве это задача государства? Разве задача государства иметь полный казенный сундук золота? Задача государства иметь здоровое население, нравственно и телесно, материально обеспеченное, могущее стать на защиту своих интересов перед противником. Дальше (*Чумаем*): «От имени 8.000 населения обращаюсь к вам и всей Государственной Думе с мольбой возвратить для детей отцов, для жен мужей, для матерей сыновей, для России честных граждан. Водворите в избе светлое семейное счастье, избавьте от преждевременной смерти, от нищеты, воровства, блуда, разбоя, убийства, тюрьмы, каторги, петли и окончательного разорения. В районе Тартауловской вол. три винных кабака в два последние неурожайные года торгуют по 45.000 р. в год. В 1900 г., в бытность мою старшиной, были представлены приговоры о закрытии четырех кабаков, но Правительство просьбу населения не уважило, закрыло лишь один, а три оставило для спаивания населения. Теперь одно с. Тартаулово отдает в кабаки 15.000 р., а на содержание училища не может заплатить 200 р. 15.000 р. в кабак, а на 330 дворов с 1.900 душами всего 30 тощих коров, дающих не более 30 кварт молока, остальных животных: овец, коз, свиней, кур, гусей и проч., всего около трех-четырёх десятков. Семьи этого села сидят в холодных, темных избах, кроме картофеля и капусты, ничего нет. Сильно развито воровство». Это, гг., письмо из Полтавской губ., письмо, написанное, может быть, не литературным языком, но письмо, написанное лицом, близко стоящим к народному делу; это – бывший волостной старшина, который поведал весь ужас этого; население боролось, составляло приговоры, но в приговорах отказывали, и в результате такие сравнения: 15.000 р. на казенку – деньги находятся, 200 р. на школу – денег нет. Гг., да ведь это позор, это позор и преступление для страны, которую довели до такого нищенского положения. Я здесь не могу не привести слов уважаемого депутата Гулькина, надеюсь, он их подтвердит; он говорит (*Чумаем*): «У меня в селе есть еще шесть частных незаконных винных лавок, в которых мужики торгуют. Туда приносят женщины муку, цыплят, кур, мужчины поедут с извозом, а женщины там кутят. Дети придут: мама, идем домой, а они дают им водки». Это было сказано в первую сессию, в заседании Государственной Думы. Дальше, гг., другой корреспондент пишет (*Чумаем*): «Близ моей усадьбы есть деревня, в которой всего четыре двора и три тайных кабака». Да разве полиция об этом не знает? Я заявляю, что все знает и смотрит на это сквозь пальцы. А почему это делается, я скажу об этом в другом месте. Акцизное ведомство не то, что знает, но совершенно свободно открывает новые кабаки, несмотря на протесты (*Чумаем*): «В 1909 г. в Ракаловской вол., в дер. Гурьевцы убит в пьяной драке мясник; в Басовской сделались жертвой пьяной драки отец и сын; в дер. Девятовской удавился в пьяном виде крестьянин; в дер. Среднее Печевное умер от вина крестьянин; в дер. Волосково тоже от вина умер крестьянин». Это я, гг., цитирую из «Вятской Речи»; необходимо, чтобы сведения были собраны со всей России, а не из одной губернии, поэтому я нарочно привожу с разных концов, чтобы мне не сказали, что это только сведения Самарской губ. Это есть вопль всей страны. Далее (*Чумаем*):

«В дер. Колокольцы в пьяном виде крестьянин пытался изнасиловать двенадцатилетнюю девочку; в довершение всего масса драк, ссор и т. д. Ракаловское общество постановило приговор, чтобы никто не занимался тайной продажей; дер. Салманска постановила такой же приговор; Ракаловский волостной сход постановил два приговора об упразднении казенки в с. Всесвятском. На первый ответили, что «некоторым селениям будет далеко ездить за вином», а по второму (1908 г.) выезжал акцизный чиновник для допроса десятидворных по одиночке. Прошел уже год, казенка все еще стоит». Зачем, спрашивается, приезжал чиновник? Если не ошибаюсь, член Государственной Думы Булат говорил вам с этой трибуны, что чиновники приезжают не для закрытия казенки, а для спроса: «а кто посмел говорить, чтобы закрыли казенку? Взять его за жабры и отправить в Нарым». Почти во всех русских поселках Андижанского у., Ферганской обл., с разрешения акцизного ведомства открылись рейнковые погреба, напоминающие простые кабаки, открылись, вопреки просьбам населения и вопреки прошения администрации, сельских священников и т. д. В целой области, заселенной инородческим населением, — там живут магометане, а в Андижанском у., кажется, и персы — вопреки протестам, насильно открывают кабаки. Я говорю это к тому, чтобы доказать, что враг настолько силен, что не стесняется с народным протестом, с народным желанием, а кто работает, старается об уменьшении этого зла, тому насильно рот закрывают и грозят наказанием. Дальше (*Читаем*): «Управляющий акцизными сборами находил, что закрытие казенной лавки в с. Черненки поставит население окрестных богатых мест в затруднительное положение в отношении приобретения казенного вина, — то была «Вятская газета», а это «Южные ведомости», с разных противоположных концов, — и тем самым повлечет за собой развитие тайной продажи, каковая существует в настоящее время». Мотив отказа Акимовскому сельскому сходу (*Читаем*): «Казенные винные лавки закрыть не целесообразно, ибо нельзя допустить, что население в количестве 5.620 душ может обойтись без крепких напитков». Все ясно, г., что Правительство на все заявления крестьян отвечает организованным систематическим протестом. Я уверен, что есть какое-то у них для нас неизвестное распоряжение, уверен потому, что план действий во всей России один и тот же. Далее, г., г. Верный, который постигло недавно землетрясение (*Читаем*): «Копальская управа провела интересное постановление — упразднить с января в городе продажу спиртных «напитков». И что же, г., вы думаете, уважено ходатайство? Да так же, как и в г. Самаре в 1902 г. Дума постановила, что нам выгоднее и удобнее вносить в государственное казначейство все то, что дает казенка, но с тем, чтобы не торговать. Такое постановление довели до рассмотрения высшего Правительства, и нам, даже предлагавшим деньги, в издании такого постановления отказали. Так и г. Верному откажут, будьте покойны. Далее (*Читаем*): «11 марта на собрании обывателей и избирателей г. Саратова Скосырев указал на развитие пьянства среди приказчиков, чему особенно способствует «пьяное кольцо», окружающее весь верхний базар. Торговцы просили акцизное ведомство убрать куда-нибудь винную лавку с Цыганской ул., указывая на крайние безобразия вблизи неё, но им

отказали под тем предлогом, что от помещения лавки в менее бойком месте пострадают интересы казны». Что же, для Правительства интересы народа чужие? Для него народ японцы или китайцы? Наш русский православный трудящийся народ, платящий все налоги и отбывающий все обязанности натурой, является по этому заключению будто бы чужим, будто бы каким-нибудь рабом безвольным. Разве можно мириться с таким положением, когда ходатайства о прекращении торговли в казенных винных лавках не удовлетворяются даже во время эпидемий, как, напр., в 1907 г., в холерный период? Но, г., есть еще противник, сильный противник, упорный противник, это наша печать, которая уделяет этому вопросу мало внимания и не считает пьянства народной болезнью, разъедающей сверху донизу все население, не считает этого вопроса государственным и не уделяет ему внимания. Она занимается разработкой политических вопросов, но народному хозяйству, экономическому вопросу не уделяет никакого внимания. Если печать серьезно осветила бы это отрицательное явление в жизни народа, то вопрос этот, поверьте, подвинулся бы сильно вперед. Не могу не указать, как проводилась система спаивания народа. В первой сессии в 63 заседании, 10 мая, произнесена речь членом Государственной Думы Дзюбинским, которую я считаю нужным привести для полноты характеристики трудности борьбы с пьянством. Привожу эту речь целиком (*Читаем*): «Многие из вас не знают еще тех фактов, того вредного влияния, какое имела казенная винная монополия в отдаленной Сибири. На крайнем севере, где живут инородцы, до введения казенной винной монополии продажа вина была запрещена и она строго преследовалась; частной продажи вина там не было, или очень редко. В отдаленных восточных губерниях, на золотых приисках, там тоже продажа вина была запрещена и её там не было, или если и была, то в весьма незначительной доле. С введением казенной винной продажи, монополия раскинула свои сети чуть не до Ледовитого океана, захватила инородческие селения, захватила отдаленные окраины Восточной Сибири, и вот — с дальнего севера несутся вопли и крики: спасите, инородцы погибают от монополии! С Витима и Олекмы золотопромышленники далекой Восточной Сибири шлют петиции и просьбы о закрытии казенки, рабочие спиваются, винная монополия увеличила число прогулов рабочих, торговля, продажа мануфактурных товаров и предметов первой необходимости почти приостановилась, потому что весь свой заработок рабочие несут в казенные винные лавки. Даже съезды золотопромышленников заканчивают свои постановления воплем: «Избавьте нас от казенной винной монополии!» Г., это голос окраины, слова, сказанные здесь народным представителем, они говорят, что туда, где не было продажи спиртных «напитков» Правительство, т. е. винное ведомство, отправило своих чиновников и соорудило, вместо школ, кабаки. В результате — полное обнищание и вымирание местного населения*. Дальше, г., укажу вам и на то, что борцы с пьянством, борцы трезвости предполагали образовать своевременно съезды, которые им не всегда разрешались. Я уже имел честь заявить здесь, что съезды общества трезвости были признаны несвоевременными, при чем, съезды винокурных заводчиков разрешаются, как полно-

правным гражданам России, им разрешаются свободно, а отчеты этих съездов, официальные отчеты, получить очень трудно. Не могу еще не указать на другое положение, на то, что нашим самым сильным противником, врагом, является существующее законодательство, которое за последнее время способствовало этой промышленности тем, что закон не одинаково применялся. Само государство борется с эпидемиями и заставляет местное самоуправление бороться с ними, всякое селение имеет печатные правила, как надо с эпидемиями бороться, а я спрашиваю Правительство – борется ли оно с пьянством? Оно ведь хорошо знает, что пьянство есть эпидемия и что эпидемия пьянства во много раз ужаснее и опаснее всех других эпидемий, которые с ним сравниться не могут. Так что Правительство шло навстречу этому народному пороку и с его благословения ежегодно гибнет миллион работников, умирают не только дети, женщины и старики, но умирают родоначальники семейств, хозяева семей, умирает миллион ежегодно с позволения Правительства. Дальше, за увечье промышленники платят пострадавшим, а что же, продавая народу вино, сознательно отравляя его ядом, казна этим миллионам осиротевших после умерших, оставшимся сиротам, детям, старикам, возмещает ли им Правительство за потерю работников?

*) Доказательством этого печального явления служат сотни писем, которые депутат Челышов получил и получает с мест. Все эти письма вопиют об одном и том же – о всеразрушающем влиянии кабака. Образцом этих поистине трагических писем может быть хотя-бы следующее письмо, полученное депутатом Челышовым из Тобольской губернии и помеченное 1 июля 1908 года:

Спешу сообщить Вам, что жители Лумпокульской инородческой управы, Сургутского уезда, 15 июня 1908 года на общем волостном сходе, который состоялся от пяти волостей и из 400 душ годных работников, постановили приговор о том, что с введением казенной винной лавки в селе Нижне-Лумпокульском все жители района нашей Управы пришли почти в полное разорение, не считая еще и того, что годы эти у нас считаются самыми промышленными как рыбой, так равно и зверем; между тем (жители) впали в большие долги как в казенные, так равно и частным торговцам; и, кроме того, благодаря этой же винной лавке, пожертвовали более тридцати жертв, собственно ради вина; и со всем этим, благодаря страшному пьянству, почти все без исключения инородцы заразились сифилисом, который также приводит к концу население. В виду сего мы все единогласно постановили просить высшее начальство о том, чтобы немедленно убрать от нас из села Нижне-Лумпокульского казенную винную лавку, в чем и подписываемся. Из числа подписчиков один оказался грамотным, да и тот воспитан был священником, он подписал свою фамилию, а остальные поставили луки, елки, стрелки, так назыв. по-сибирски, тамги. Приговор отправлен по принадлежности – Губернатору, и жители района ждут благоприятных результатов. Затем скажу о том, что я возбуждал вопрос о первом приговоре инородцев о том, чтобы убрали от них винную лавку. Даже в то время народ с лавкой чувствовал тягость и считал ее неуместной, почему единогласно и решили постановить приговор об отмене и послать его в Государственную Думу. Там было написано: упразднить из села Нижне-Лумпокульского казенную винную лавку, убрать от нас пристава и урядника, при которых нам приходится более обременительно как по отбыванию земских подвод, так и других налогов: нам нужна общая потребительная лавка с товаром,

нужно казначейство для денежной ссуды, нам нужна больница и доктора с медикаментами, а сверх всего этого – сестры милосердия. В таком роде приговор был написан и отправлен в Государственную Думу 2-го созыва с депутатом от Тобольской губернии, г. Скалозубовым. Приговор тот по сие время должен при нем храниться. Участвующие (в приговоре) лица ждали утешительных вестей, ждали с нетерпением результатов, но провалилось все по сибирской пословице – «как-бы в камский мох». – Село Александрово. И.Е. Типсин.

Закон заставляет каждого промышленника за причиненные убытки заплатить, а почему же этого здесь нет? Это попустительство закона, это потворство пороку. Дальше, Правительство считает необходимым бороться с контрабандистами, с контрабандой на границе. Там преследуют контрабандиста, человека, который желает провезти товар и не заплатить пошлины, чтобы беспошлинный товар продать выгоднее. Правительство борется с этим и допускает даже расстрел. Когда контрабандист бежит, стража стреляет и убивает; но там ведь нарушаются государственные интересы, казенному сундуку есть убыток. А разве здоровье народа, нравственные его устои, будущее здоровое потомство, разве это не достоинство государства, разве можно поставить в вину государству, что оно имеет здоровое население? Против спаивания народа, для охраны его Правительство никаких мер не принимало, а, напротив, даже способствовало этому. Гг., Правительство сознательно поставило винное дело лучше, чтобы оно лучше шло. Выработаны лучшие штаты по винному делу, комиссия бюджетная не раз находила возможным их урезать и не раз поднимался об этом вопрос. Министр Финансов заявил в комиссии, что «у нас дело действительно поставлено хорошо, и я счастлив и горжусь, что, во всякое время могу дать справки, чего в другом ведомстве нет». Да разве министру можно этим ведомством хвалиться? Надо хвалиться народным образованием, довольствием, а не эксплуатацией народного порока, этим хвалиться – значит не иметь стыда. Дальше, гг., наш суд, когда судит преступника, входит в положение, рассматривает мотивы, которые побудили его совершить преступление. Я не знаю, почему наши юристы не обращают внимания на то, что 90% уголовных преступлений совершается чрез вино, в пьяном виде, совершаются для вина, т. е. во всех преступлениях виновник, который насильно спаивает народ, вытраивает совесть и душу, душит стыд и гасит религиозность, виновник в этом, безусловно, финансовое ведомство. Я укажу на следующий случай. Г. Скаржинский, живя несколько лет тому назад в Варшаве, направил к Министру Народного Просвещения документ, доклад, в котором он считал необходимым обратить внимание Министра на то, чтобы было введено в школах преподавание о вреде спиртных «напитков». Этот доклад продержали около года и возвратили с заключением, что, так как марок к этому докладу не приложено, то он и не был рассмотрен. Гг., доклад, дающий новую мысль, полезный для страны, для населения, для государства, полезный для подрастающего поколения, не рассматривается чиновниками, – почему? Да потому, что марок не приложили. Гг., смеяться мало над этим, от этого ужасом веет. Кто же, спрашивается, отравляет народ? Из-за формальности, не приложения марок, не рассмотрели дельного доклада. Ведь эти случаи не приложения марок не единичны; на них останавливаться я подробно не буду*. Министерство явно пошло навстречу пороку, и акцизное ведомство хуже кабатчика. Кабатчики уговаривали пить, а акцизное ведомство спаивает на-

сильно. Укажу еще на один пример.

*) Подобного же рода заключение дано было на следующее прошение Торгового Дома «Н.Е. Башкирова Наследники»: – «Близ нашей мельницы находится винная лавка № 1, в которую рабочие мельницы несут значительную часть своего заработка, и благодаря этому, на улице как около самой лавки, так и около мельницы, постоянно толпится и валяется пьяный люд и часто происходят драки, – почему, в ограждение от вышеозначенных неприятностей, не имеет ли возможным Самарское Акцизное Правление винную лавку № 1 перевести на другое место, подальше от мельницы. Самара 6 апреля 1909-й г.». – Ответ на это прошение, последовавший 11 апреля 1909 г., за № 6099, гласил: – «От Управляющего акцизными сборами Самарской губернии и Уральской области на прошение от 6 апреля 1909 года Торгового Дома «Николая Емельяновича Башкирова Н-ки», проживающему в г. Самаре, 1 часть, Преображенная ул., д. № 20. сим объявляется, что ходатайство его о переводе в другое место казенной винной лавки № 1 оставлено без рассмотрения за непредставлением гербового сбора на 1 рубль 50 коп.».

Есть в мире чудный человек по своим душевным достоинствам, по своим душевным представлениям – это некто Бутс, генерал армии спасения. Ему, этому председателю армии спасения, проповеднику трезвости, в позапрошлом году не разрешен был въезд, не разрешили проехать по Сибирской ж. д. в Японию, боялись, что этот человек принесет вред, что он, при своем проезде, скажет населению где-нибудь трезвое слово. Укажу еще на одного из наших противников, это на вопрос экономический. До введения винной монополии наши крестьяне имели доход за право допущения продажи вина, они собирали в год около 22.000.000 р. И вот, Правительство, введя монополию, отняло у народа его доходы, оно, отнимая у крестьян их доход, не считало возможным отнимать доходы у прибалтийских баронов: там оно сохранило эти доходы баронам и польским помещикам, но крестьянам, нашему русскому трудолюбивому народу, оно в этом отказало. (*Рукопесканиа на отдельных скамьях*). Это есть одна из причин, которая довела народ до нищеты, довела до разорения; и он не имеет права заявить свой протест сильно, смело. Далее, одинаково нашим врагом является и то, что Правительство лишило население права закрывать кабаки: до монополии крестьяне имели это право, а при монополии у крестьян это право отняли; это тоже наш противник. Все это, гг., меня заставляет предупредить, насколько трудна предстоящая в будущем борьба с этим бичом человечества, с этим врагом человечества не только во всей России, но и во всей вселенной. Алкоголь вытравил из народа совесть, стыд и всякие лучшие душевные движения, и человечество со временем превратится в зверей, как мы недавно видели, даже культурных зверей, вроде Гилевича. Я не могу не обратиться к некоторым цифрам; как Правительство заботится о трезвости, говорят ассигновки на попечительства о народной трезвости. В 1903 г. было ассигновано 4.781.000 р., а в 1908 г. – 2.500.000 р., т. е. убавили на 2.281.000 р.; наверно, продолжали бы и дальше убавлять, но убоялись: все-таки это для народа ширмы, и мы, мол, тоже заботимся о вашей трезвости, имеем попечительства о народной трезвости. Но, что это за учреждения, я говорить не буду*; их хорошо раскритиковали в Государственном Совете, здесь я только укажу, насколько можно надеяться на правительственную борьбу с народным пьянством посредством попечительства о народной трезвости. В то время, как одно заведение, продающее водку,

приходится на площадь в 264 кв. версты, одно заведение попечительства о народной трезвости приходится на площадь в 1.721 кв. верста, т. е. одно заведение попечительства о народной трезвости приходится на площадь в семь раз большую. А народные дома, которые будут пропагандировать трезвость? Я прямо затрудняюсь назвать их цифру, при чем, уверяю, что этот способ борьбы с пьянством, посредством народных домов, не применим; нельзя же в каждой деревне устроить народный дом. Это только, повторяю, ширмы для народа: что вот, будто бы, заботятся о его отрезвлении.

*) На I-м алкогольном съезде член его, г. Котельников, в своем докладе привел следующие данные о деятельности одного из Попечительств о народной трезвости: 1) Когда Самарский отдел О-ва Охр. Здравия хотел приступить к обследованию вопроса о пьянстве в губернии, с целью выработать систему борьбы, отвечающую местным условиям, и тем прийти на помощь местному Попечительству о Нар. Трезв. и обратился за материальной поддержкой к Попечительству – то получил отказ. 2) Когда тот-же отдел вошел с ходатайством о субсидии на лечебницу для алкоголиков – то получил отказ. Оба отказа мотивировались недоверием к целям, на которые средства пойдут. 3) Группа лиц педагогического персонала и общественных деятелей под флагом Попечительства организовала сад для детей бедноты, не затратив из средств Попечительства ни копейки, но сейчас же возник вопрос о соответствии этого начинания задачам Попечительства, и единоличным распоряжением губернатора сад был закрыт.

4) Когда Самарское О-во захотело устроить елку для детей бедноты и предприняло обследование бедноты города, то это ему удалось устроить только один раз; в дальнейшем такая деятельность была признана опасной.

5) Когда в проекте Народного Дома внесено было расширение функций дома организацией бюро труда, бюро юридической и врачебной помощи, то это было отвергнуто, как импульсы к развитию сутяжничества, тунеядства в проч.

В самом отчете Государственного Контроля есть такое выражение: «широко поставленные задачи оказались для них невыполнимыми», т. е. борьба с пьянством народа посредством попечительств трезвости. Но я., гг., не могу вам еще не указать на один характерный факт. Я вам здесь сказал, что во всей России борьба против трезвости, борьба против желания народа отрезвиться идет, организованная по известному плану, плану продуманному. Вот у меня есть следы этого плана. Член Государственного Совета Крамер, отвечая на заявление г. Министра Финансов Коковцева о том, что Правительство задается охраной здоровья населения, приводит следующий случай из своей практики (*Читает*): «Я состоял председателем народных чайных и столовых в Риге – говорит Крамер. – Несколько лет тому назад ко мне является чиновник с бумагой, за подписью Товарища Министра Финансов, с предложением взять на себя продажу казенной водки. «Разве вы не знаете, что мы для того и устроили столовые и чайные, чтобы бороться с пьянством?» – удивленно спросил я. – «Знаю, был ответ, но есть бумага». Такая же бумага поступила во все четыре отдела наши». Гг., нам говорят часто с этой трибуны представители Правительства одно, одну сторону показывают, но, мне думается, есть другая сторона, о которой они не говорят, и вот есть намек на то, что, желая сподобить население, идут к борцу трезвости, члену Государственного Совета Крамеру, и предлагают ему, на основании бумаги, продавать водку в чайных общества трезвости. Это что

же? Это преступление.

Приступаю, гг., к продолжению доказательств, почему пьянство растет так, растет очень быстро и распространяется, почему борьба с ним так трудна. Пьянство растет потому, что винная промышленность находится в руках Министерства Финансов, и потому оно так процветало и так широко пустило свои корни по русской земле. Я уже говорил с этой высокой трибуны, что если бы эта промышленность, если бы это дело находилось не в руках Министерства Финансов, а в руках Министерства Внутренних Дел, которое управляет страной, которое наблюдает за всем и которое поддерживает порядок, которое ближе стоит к жизни народа, агенты которого часто при исполнении служебных обязанностей подвергаются оскорблениям, оскорбляются даже до убийств включительно, и которое знает все это, то, поверьте, оно было бы скоро сокращено и существовало бы не в таких больших размерах. Как всякий отец, желающий видеть своих детей достойными наследниками, прячет в шкаф подальше от них водку, так и Министр Внутренних Дел довел бы эту промышленность до самых малых размеров в целях правильного и хорошего управления страной или свел бы ее совсем на нет. Но у нас этого нет. Винокурная промышленность находится в руках акцизного ведомства, ею заведуют акцизные чиновники, и на них же возложена обязанность бороться с этим разъедающим душу народным пороком. Но я заявляю, что они не борются, и в этом убеждении Бородин говорит (*Читаем*): «Мы не знаем ни одного случая, чтобы мытари или акцизные чиновники принимали на себя задачи утверждать нравственность населения и выступали бы в роли духовных пастырей последнего». И мы видим, что акцизные чиновники отлично устроили винное дело, а жизнь крестьян и рабочих нисколько не подвинулась вперед. Укажу дальше на то, что они старались все время тормозить это дело, мешали этому делу, ставили препятствия, чтобы не случилось уменьшения потребления спиртных «напитков»*.

*) В «Русском Знамени» (N 240 от 26 октября 1910 г.) под заголовком «Возмутительные проделки акцизных чиновников», г. М. Х. приводит следующий факт: — „К соблюдению закона по продаже вина приставлены акцизные надзиратели. Но посмотрите, что они проделывают. Эти люди, которым, помимо их специальности, незаконно вручаются благотворительные сборы в церквях, о чем я писал в «Русск. Знамени» (см. № 190, от 24 авг.), расширяют свою деятельность по усилению сборов таким путем, как поведал мне один сиделец пригородной винной лавки. Не какие-нибудь сборщики и контролеры, не помощники акцизного надзирателя, но сам акцизный требует от сидельца, чтобы он продавал за деньги - листочки и брошюры в пользу сбора на слепых. А когда за деньги эту литературу не берут, акцизный изыскивает такой способ: когда продаете вино шинкарам, набавляйте за полбутылки копейку, за бутылку две копейки и т. д. и давайте им листочки. На законных покупателей, видите ли, набавлять цену нельзя, а эти протестовать не будут. Сиделец слушает, конечно, приказание большого чиновника и исполняет в точности. Проходит месяц и, кроме громадной выручки по продаже водки за установленную плату, он сдает этих копеек с шинкарок для представления в благотворительный комитет о слепых 17 руб. 70 коп., — так было в одном селе. Нет оснований полагать, что здесь только г. акцизный сделал такое распоряжение. Можно представить себе солидную сумму, какая пойдет чрез этого акцизного чиновника, собранная таким путем на благотворительное дело. Можно отсюда понять, почему это акцизным чиновникам поручают, сверх ожидания, эти благо-

творительные сборы. Там вверху видят солидные суммы, ценят усердие своих подчиненных в деле благотворительности, но, конечно, и не знают, и не предполагают, каким способом собираются эти суммы, как гг. акцизные детализируют и развивают великое зло — шинкарство, бороться с которым они обязаны по своей должности. Таким образом, с благосклонного поощрения самого акцизного надзирателя шинкарки у нас торгуют хорошо, без всякой опаски. За месяц они купили для будто бы тайной продажи и заведомо для сидельца 1770 полубутылок, или 885 бут., или 44 и 5/20 ведра. Что им значит переплатить по приказанию акцизного 2 коп. за бутылку, когда их за эту переплату милуют и когда сами они берут, средним числом, за бутылку барыша не менее 10 коп. и получают чистой прибыли в месяц 88 руб. 50 коп. Вот и проектируйте при таких акцизных надзирателях преследование незаконной продажи вина! Я бы с удовольствием назвал того акцизного поляка в целях искоренения зла, но жаль сидельца, которого выбросят»...

Московский губернатор обвинял акцизное ведомство в содействии распространению пьянства, которое вырождалось, между прочим, в поощрении продавцов винных лавок премиями, а также отпуском вина крупными партиями, что по закону запрещено. Укажу еще на то, что акцизное ведомство в своих казенных винных лавках кроме водки продавало еще и другие спиртные «напитки». «В Смоленской губ. теперь, кроме очищенного вина, казенные лавки заполнены еще разного рода наливками, настойками, там есть ром, коньяк; продавцы получают 10% с продажной стоимости этого товара. Интересно прикосновение к казенной лавке частной фирмы Шустова, — это сообщено в «Новом Времени». Еще не могу не указать на то противодействие чиновников, когда некоторые общества, некоторые учреждения заявляли, что они готовы внести в государственное казначейство все ожидаемые от вина доходы. Милютин, член съезда по борьбе с пьянством, говорил (*Читаем*): «Когда я слушал приветствия съезду представителей Министерства, то я вспомнил гоголевскую унтер-офицерскую вдову, но также знал их стремление «и невинность соблудности, и капитал приобрести». Для характеристики я приведу лишь один пример, ярко характеризующий политику Правительства в этом вопросе, когда Правительство отклонило предложение одного фабриканта в Иваново-Вознесенске уплатить все доходы Правительства, лишь бы оно закрыло винные Лавки, — и Правительство отказало». Гг., кто виноват в том, что деревня развратилась торговлей, что в каждом доме шинок? В этом виновато Министерство Финансов. Кто виноват в том, что почти все крестьянские вдовы шинкуют и из своих квартир устраивают развращающие молодежь веселые дома, и что девушки в шинках имеют больший успех? В этом виновато опять наше Министерство Финансов, потому что оно на это, на разложение души народной, смотрит сквозь пальцы, лишь бы только побольше продать спиртных «напитков», и даже увеличение продажи спиртных «напитков» делалось с соизволения Министерства Финансов. Это также на съезде было заявлено г. Котельниковым. «В самой системе распространения монополии, — говорит Несмелов, — несомненно, уже проглядывает намерение поддержать падавший питейный сбор. С 1885 г. и по 1894 г. душевое потребление вина сократилось с 0,70 до 0,53 вед., а затем в 1898 г. понизилось до нормы голодных лет, т. е. до 0,50 вед. При таких условиях казенную продажу начали вводить именно в тех 4-х восточных губерниях, где был наименьший душевой расход вина, всего 0,35 вед.; в следующую очередь включили юго-западные и

те из малороссийских губерний, в которых наблюдалось особенно быстрое сокращение потребления, а затем к последней отнесены более устойчивые в этом отношении губернии». Из вышесказанного, гг., ясно, что борьба на местах без закона обществу не по силам. Всякие попытки как селений, как городов, как земств, так и частных обществ, встречали на своем пути китайскую стену, о которую всякие начинания разбивались. Еще, гг., не могу не указать на то, что если мы все оставим в том же положении, и если закон, предлагаемый специальной комиссией по борьбе с пьянством, будет отвергнут и будут приняты статьи, которые находятся в законопроекте Министерства Финансов и комиссии финансовой, то этим вы оставите страну и на будущее время в том же ужасном положении. Комиссия в своем докладе и с трибуны заявит вам, что если будут отменены наши статьи, карающие тайную продажу вина, статьи, в которых мы видим самый верный путь сокращения пьянства, то наша комиссия снимет с себя всякую ответственность; пускай ответственность эту, ответственность за успешную борьбу с пьянством возьмет на себя Правительство и финансовая комиссия. Пора нам, народным представителям, представляющим собой все население страны, дать народу право над кабаком; дайте право народу определить, просвещает его кабак или развращает, обогащает или разоряет. Народ только этого и просит, и против этого священного права, права, принадлежащего ему по закону, я уверен, ни у кого не будет смелости говорить. Никто не осмелится отказать народу в этом его праве. Пускай с этой трибуны наши противники представят нам доказательства, что мы (крестьяне и рабочие) просили кабаков, пускай они прочтут прошения, письма об этом, пускай представят, какую пользу кабаки приносят народу. Если не представят, а будут отстаивать, вопреки народному желанию отрезвиться, будут предлагать другие меры, то нам, как судьям, надо вынести другой приговор и, никого не стесняясь идти навстречу народному желанию, чтобы он имел полное право на уничтожение продажи спиртных «напитков», если желает.

Теперь мы обратимся к следующему положению: возможна ли на местах борьба общества при настоящих условиях, имеет ли возможность общество бороться без закона, который предлагает комиссия. Я сознаю, что для этого необходим закон, выработанный комиссией для борьбы с пьянством. Я много получил приговоров, которые подтверждают сообщения с мест, которые свидетельствуют, что без закона, выработанного в редакции комиссии, борьба с пьянством будет невозможна и население останется при тех же порядках. Я уже приводил пример, каким образом казалось необходимым бороться с пьянством и как это осталось без результата. Я приводил характерный пример, как пробовали бороться в Самаре. Недавно в Самаре выросла масса пивных лавок. Городская Дума имеет законное право указывать те улицы, на которых не желает допускать пивных заведений. Думская комиссия разработала вопрос и внесла на заключение думы свой доклад, где указывалось, где в Самаре должны быть пивные лавки. Такое постановление думой было принято и дума постановила представить его начальнику губернии на скорейшее утверждение. На наше постановление городской думы последовал от 17 пивных лавочников протест губернатору, и что же, этот протест пивных лавочников, кабатчиков, оказался более доказательным у губернатора, чем постановление городской думы, выбранной от всего населения, и наше

постановление не было утверждено. Мы обжаловали это, если не ошибаюсь и если память мне не изменяет, в Сенат, и в Сенате нам отказали, причем мы осуществляли закон, мы имеем на это законное право, но закон там, где он соприкасается с кабаком, оказывается, не действует, а действуют только интересы кабатчиков. Дальше я не могу не указать вам на следующее положение: в одном из наших общественных собраний, которые по существующему закону позволено устраивать разным политическим партиям, я не назову города, но один из представителей союза 17 октября хотел сделать доклад о борьбе с пьянством для своих сочленов. В повестке нужно было сообщить порядок дня, и он указал в ней, что будут прочтены речи депутата Челышова по стенограмме; и что же – администрация отказала в праве читать такие речи. Когда же он стал настаивать, то ему сказали: если вы будете настаивать, вас вышлют. Гг., что преступного в моих речах, оглашенных с этой высокой трибуны, за что грозили высылкой? Дальше я укажу вам, как эта борьба на местах не по силам. Я напомним вам о с. Максимовке, Бузулукского уезда, где крестьяне просили закрыть кабаки, а их не только не закрыли, но увеличили вдвое. Они обратились в Государственную Думу, и здесь был внесен запрос Министру Финансов. Вследствие поднятого дела кабаки были закрыты, но что было после, я уже об этом заявлял здесь и мне стыдно теперь об этом говорить. Дальше укажу село Апальхово. По закрытии в нем по приговору кабака, оно стало неузнаваемо; драки совершенно пропали, и общее благосостояние поднялось, но присутствие по питейным делам нашло, что село стоит на проезжей дороге и открыло сразу два кабака. Снова началось обнищание и т. д. Это я говорю на основании письма земского врача ко мне. Акцизное ведомство сначала разрешило закрыть кабаки, но потом, в виду того, что крестьяне стали богатеть, оно решило, что ошиблось и сказало: здесь пролегает большая дорога и кабак должен быть. И снова открыли кабак, вопреки общему желанию*.

*) Но бывает и так, что причин отказа закрыть кабак не объявляют вовсе. Например, Саратовский Губернатор бумагой Земскому Начальнику 4-го участка Царицынского уезда, за № 7486, от 12 декабря 1910 г., объявляет: – «Вследствие представления от 20 июля с. г. за № 1068 сообщаю Вам. Милостивый Государь, для объявления обществу крестьян с. Б. Ивановка вверенного Вам участка, что ходатайство о закрытии существующей в названном селе казенной винной лавки мной, по соглашению с Управляющим акцизными сборами Астраханской губ., признано не подлежащим удовлетворению».

Укажу еще на одно положение, как относятся чиновники акцизного ведомства к этому явлению, причем заявляю, что акцизное ведомство редко действует одно, большей частью заодно с ним действует местная администрация. Это естественно, потому что по смете Министерства отпускаются кредиты на выдачу вознаграждения полиции, которая иначе помешала бы совершать преступные деяния. Это есть и в правительственном отчете. Я укажу вам на положение, которое я вносил в Самарскую казенную палату, о том, что надо для города запретить продажу спиртных «напитков», но этот доклад, прочитанный мной в городской думе, нам запретили печатать в нашей газетке и для раздачи гласным. Укажу еще на следующее: брошюру о вреде пьянства нам также запретили печатать, а в 50-х годах такие брошюры даже конфисковывались.

Все это, гг., деяния Правительства, деяния власти, направленные в ущерб народному желанию отрезвиться, направленные к тому, чтобы сохранить народ в темноте, чтобы народ не знал, что под тем орлом, который красуется на каждой бутылке, продается яд, которым его отравляют. Я вам не буду подробно цитировать всех тех сообщений с мест и всех документов, которые ясно говорят, что всякие приговоры, которые крестьяне составляли, никогда не достигали успеха, а если достигали успеха, то только если за эти приговоры возьмется кто-нибудь из влиятельных лиц: или губернский гласный, или земский начальник, или возьмется вице-губернатор, и в последнее время члены Государственной Думы; только эти лица, стоящие высоко против населения по выборам или по должности, оказывали влияние, и только с их помощью часть приговоров получала удовлетворение. Указываю еще на следующее положение. Правительство знало, какой разлад, какое разрушение вносят спиртные «напитки», пьянство в населении, и знало, что пьяница отправляется в участок, и в каком положении он там находится; оно скрывало от общества, чтобы общество не знало, что там делается; этому есть доказательства: в г. Москве находящиеся в участке фотографировать не разрешили. Мне заявил предводитель полтавского дворянства Леонтович, что он, предводитель в своей губернии, два года хлопотал о закрытии винной лавки и закрыть не мог. Предводитель дворянства губернский не мог закрыть лавки в течение двух лет. Гг., что же могут делать крестьяне, которые не имеют почти никаких прав и никакой самостоятельности. Говорят, что там, где были приговоры, лавки не открывались; но, о противном есть сообщения лиц, которые заведывают винной монополией. Семашко в своей статье, в своей брошюре «Казенная монополия» говорит: «Едва ли остался бы в своем приходе тот священник, который уговаривал бы публично в церкви своих прихожан вовсе не покупать водки в казенной винной лавке». Далее он говорит: «в Царстве Польском полиция ловила застрельщиков трезвости, как политических пропагандистов, покушающихся на уменьшение казенных доходов». Это, гг., никем не опровергнутое доказательство, и оно должно служить неопровержимым положением, что так оставаться нам дальше нельзя. Крестьяне пишут, что «это заявление сочувствия закону желала подписать целая сотня крестьян, но боятся, чтобы их не преследовало за это местное полицейское начальство» крестьяне запуганы, крестьяне боятся, если они проявят свое мнение по поводу закрытия винных лавок, навлечь на себя какую-нибудь вину. И все эти акцизники, когда их спрашивают, почему они так поступают, почему действуют вопреки народному желанию, дают понять, что так приказано сверху (*Читаем*): «Акцизные чиновники и полицейские чины, когда к ним обращаются за разъяснением по поводу шинков, делают какие-то намеки, что им-де сверху дан знак смотреть на это сквозь пальцы, что они-де обязаны составлять протоколы только на лиц, приносящих убытки казне». Это пишет священник. Далее (*Читаем*): «Всякое стремление, – говорит записка, внесенная от имени Главного Управления неокладных сборов, – ведет к уменьшению потребления вина, а так как это противоречит интересам фиска, то все попытки к отрезвлению народа, от кого бы они ни исходили, не могут иметь успеха». Это из «Русских Ведомостей», 1908 г., № 283. Я, гг., привожу здесь как письма, так и разные печатные материалы из разных сочинений, также привожу газеты; я это делаю потому, что

с этой высокой трибуны многие депутаты ссылаются на газетные статьи, на мнения печати. По словам Клюжева, когда один учитель задал ученикам сочинение на тему «Пьянство разоряет семью», то попечитель учебного округа запретил задавать сочинения на такие темы в классе. Гг., что это такое? Попечитель учебного округа не желает, чтобы в школу проникли сведения, насколько губительно влияет на жизнь семьи употребление спиртных «напитков». Это, гг., слова члена Государственной Думы Клюжева, который, вероятно, их вам подтвердит. В доказательство я, гг., вам еще заявляю, что отказывали в закрытии продажи спиртных «напитков» и отказывают, делают все для того, чтобы население не просило о своем отрезвлении*.

*) Штанге на 1-м Всероссийском антиалкогольном съезде рассказывал: «Наше (в с. Павлове) о-во трезвости совершенно внепартийное, внеполитическое; состоит из приказчиков, рабочих, учителей; имеет свое помещение, летний сад; устраивает спектакли, литературно-музыкальные вечера, лекции. И вот было подкинуто несколько прокламаций и сделан донос. По счастью мы случайно раньше узнали о доносе и, когда явились с обыском, мы предъявили написанное прошение губернатору о расследовании деятельности о-ва, в виду последовавшего, как известно обществу, доноса. При обыске случайно вышел инцидент; – доносчик, местный торговец, явился на обыск загримированный и переодетый городовым. Но он потерял ус и был при общем хохоте узнан. Произошел скандал, и затея не удалась».

Депутат Предкальн на съезде говорил: «В некоторых местах Веталве-Отзенской вол. были попытки бороться с пьянством, но они встретили сопротивление со стороны местных властей. Так, в Залисбургском приходе в феврале 1909 г. сход волостных выборных одной из волостей прихода обратился к начальству с просьбой о закрытии местной корчмы, но комиссар по крестьянским делам оставил просьбу без последствий. Подобный отказ был получен от комиссара и Нидербаутским волостным правлением Курляндской губ. в ответ на ходатайство схода выборных о закрытии корчмы. Этот комиссар не допустил обжаловать свое постановление, мотивируя это тем, что надо обождать до разрешения вопроса Государственной Думой». На местах отказывают, – ждите, говорят, когда этот вопрос рассмотрит Дума. Я говорил уже вам, что этот вопрос идет у нас четвертый год и конца ему не видно. Укажу еще на один характерный случай. Как настоящий пастырь церкви Христовой, видя, наблюдая разрушающее влияние употребления спиртных «напитков», он предлагал бороться с этим в своем приходе таким образом: кто в его приходе торгует нелегально водкой, тому он отказывался отслужить молебен. Вот, что пишут (*Читаем*): «Заборьевский приходский совет, Смоленской губ., в силу моральных и экономических оснований, постановил не служить молебнов в домах, где хозяева шинкарят. Смоленская консистория в своем указе на имя священника поставила на вид приходскому совету, что он не вправе судить и делать постановление «по вопросам государственной важности» и критиковать действия Правительства, а самое постановление признала «насилием», т. е. действием, противоречащим истинно-христианской свободе». Другими словами, священнику говорят: ты хочешь карать шинкарей, хочешь бороться, чтобы народ не спаивали, хочешь бороться с народным невежеством и темнотой, признавая, что пьянство есть главный результат всех этих несчастий народа».

Не смей, не должен этого касаться, потому что это дело государства. Гг., да что это? Ведь надо только иметь богатырскую силу души и воли священника, чтобы делать это, потому что ему прямо говорят: не твое дело, руки прочь, не смей мешать спаивать русский народ. Делегаты на антиалкогольном съезде от Риги говорят (*Чумаем*): «Рижский народный дом общества трезвости «Аусеклис» 28 января 1906 г. был сожжен неизвестными злоумышленниками при весьма странных обстоятельствах. За день до сожжения эконома дома был предупрежден об этом местным полицейским надзирателем». Дом был сожжен, дом общества трезвости, дом трезвенников был сожжен неизвестными злоумышленниками, причем полиция предупредила эконома, что он будет сожжен. Гг., что это? Дальше (*Чумаем*): «21 января был также сожжен по распоряжению генерал-майора Орлова грандиозный дом Мюцуабенского безалкогольного общества. Надо добавить, что заслугой общества «Аусеклис» следует считать то, что во время движения 1905 г. у латышей явилась также и массовая борьба с пьянством; в городах рабочие поголовно отказались от алкоголя и штрафовали пьющих товарищей. Если бы совершилась воля латышей, то в 1905 г. в крае прекратилось бы существование питейных заведений и употребление алкоголя. До этого не могли допустить местные дворяне – винокуры и кабатчики, а также администрация, как представительница Правительства, торгующего водкой». Но послушаем еще, гг., дальше, что говорит духовенство. Из резолюции смоленского епархиального съезда (*Чумаем*): «Духовенство бессильно бороться с народным пьянством, когда ни акцизное ведомство, ни местная полиция не принимают никаких мер к уничтожению тайной продажи. Съезд обращает внимание земской управы на колоссальные размеры шинкарства и просит ходатайствовать пред губернатором о преследовании шинкарства». Целый епархиальный съезд заявляет свою нужду в том, что с шинкарством никто не борется, ни акцизное ведомство, ни местная полиция, и все их такие заявления кладутся под сукно, и им не уделяется никакого внимания. Губернская администрация обращалась неоднократно к управлению акцизного округа с просьбой принять меры, чтобы водка не продавалась крестьянам в большом количестве и в мелких посудах. Ответ на это один: «в законе нет указаний, на основании которых можно было-бы ограничить продажу водки». Это, гг., сообщение из «Голоса Москвы». Здесь ясно говорится, что администрация, которая видит, что народ через пьянство развращается, что народ становится преступным, что народ становится неспособным к правильному труду, видит, что продажа через шинкарей приносит большой вред, а также и свободная продажа в неограниченном количестве, не принимает никаких мер, чтобы ограничить эту продажу; если бы ограничить продажу спиртных «напитков» в шинках, то этого не было бы. К администрации обращаются с просьбой: прекратите продажу большими партиями, а им говорят: в законе этого не содержится. Гг., да ведь есть другой закон, кроме бумажного, закон нравственности, закон совести, который говорит: все то, что полезно и в законе не содержится, должно быть сделано, должно быть исполнено. Покойный проф. Дриль огласил на съезде письмо следующего содержания (*Чумаем*): «Дорогие ученые защитники против народного бича! Умоляем услышать наш голос, в пустыне вопиющих. У нас три четверти народа упилось все вином и дошло до разорения, так что и женский пол стал пьянствовать сильнее,

чем мужчины. Два общества крестьян, во главе со священником с. Смоленска и слободы Рощи (Московской губ.) обращались к начальству о закрытии у нас казенной винной лавки, но начальство не откликнулось на наши к ним мольбы о закрытии винной лавки. Так они оставляют нас дойти до полного разорения и обречь себя на голодную смерть. Так мы просим вас не отказать посоветовать нам, как лучше выйти населению из такого трудного положения». Вот, что пишут, и все просьбы и ходатайства остаются гласом вопиющего в пустыне. Говорят, что это не селения просят. А кто же просит? Просят все, просят и те, кто не имеют права на сходы, т. е. женщины. Здесь уже начинается беззаконие, т. е. женщины сами составляют союзы для борьбы против пьянства. Женщины, не имеющие права участвовать на сходах, самостоятельно, рискуя навлечь на себя кару, как за незаконные сборища, выступают на эту борьбу с пьянством, которое так сильно, отражается на женщине. Из дер. Оксюхово, Новгородской губ., пишут (*Чумаем*): «Измученные пьянством мужей, бабы заперли казенку (30 ноября 1907 г.). На другой день урядник с двумя стражниками замок сняли. По их отъезде бабы вешают замок снова. Является пристав с урядником и ломают замок. По их отъезде Оксюховские бабы соединяются с соседними Онисимовскими и вешают замок в третий раз. Являются пять стражников, снимают замок и дежурят. 6 декабря является пристав Дружинский, урядники и стражники. 7 декабря наехало четыре урядника, 56 стражников и исправник. Начинаются допросы, забирание и аресты подозрительных баб (одна от испуга рожает, будучи взята беременной). До 8 декабря «усмиряли» деревню, обыскивали, бесчинствовали и угрожали». Это сообщение напечатано в «Бесарабской жизни». Гг., что это? Народ, бабы, крестьянки, несущие все тяготы налогов, матери нашего будущего поколения идут с протестом против спаивания народа, и что же они встречают. Поддержку? Нет, не поддержку. Их арестуют, обыскивают, допрашивают, не считаясь с беременным положением женщин. Но некоторые другие общества с этим боролись таким же путем. Я прочитаю, что пишут казаки Владимирской станицы, Нерусского окр. (*Чумаем*): «Владимирская станица, Нерусского окр., «потребовала» от областного начальства «обязательного закрытия» лавки № 733 с 1 января 1908 г. Начальство не обратило внимания. С половины января торговля прекратилась сама собой. Последовал в окружную полицию строгий допрос о причинах прекратившегося пьянства и о том, нет ли какого «крамольного возмущения», но такого не оказалось. Тогда были приняты «меры» и у лавки поставлено дежурство полиции с целью «строго следить за лицами, препятствующими винной торговле». Т. е. Правительство думало, что кто-то не допускает к казенной винной лавке и его надо было изъять и отправить в места, не столь отдаленные (*Чумаем*): «Таковых не нашли. «Меры» не помогли: оказалось, что станичники решили бойкотировать лавку и установили негласный друг за другом надзор с суровой карой. Нарушения этого решения не было до апреля, когда в № 84 «Донск. Обл. Вед.» было опубликовано распоряжение о закрытии лавки с 1 июля 1908 г.». Это, гг., характерное явление, произошел бойкот казенной винной лавки в казачьей среде. Нельзя этого требовать от всего населения. Казачество, в массе своей, принадлежит к старообрядческому вероисповеданию. Мы хорошо знаем, что старообрядцы религиозны, до фанатизма верующие. Вот на этой почве распространения религиозности они фанатично

исповедают всякие указания, которые делают их наставники, и, когда им что будет внушено, они исполняют беспрекословно. Я сейчас не буду приводить примеров, но покорнейше вас прошу обратить внимание на статистику. Вы увидите, какое минимальное количество казаков употребляет спиртные «напитки» по сравнению с крестьянами. Этому культурному, сильному пока душой и телом казачеству можно производить там бойкотные законы, чтобы не ходить в казенную винную лавку, а нашему забитому, измученному голодом рабочему это прямо не по силам. Я также не могу не указать, что когда сообщали акцизному ведомству о шинках, то это акцизное ведомство вместо того, чтобы их преследовать, иногда это замалчивает (*Чумаем*): «Более 10 лет торгует спиртными «напитками» без патента крестьянин с. Перегоновки, Киевской губ., Семен Дубиневич, в церковном доме, рядом с казенной и не далее 30 саж. от храма. Акцизному надзирателю 5-го округа было сделано более десяти заявлений по этому поводу, но бесполезно. В храме обедня, а у Дубиневича брань и песни, свободно и открыто». Это, г., напечатано в «Русском Знамени» от 16 апреля 1909 г., и дальше я вам укажу, как бездействуют акцизные чиновники (*Чумаем*): «На днях еду в Белебей, как член общества трезвости, попрошу ответа у акцизного управления, почему 20 протоколов урядника нашего остаются безнаказанными, вследствие чего в Чегодаеве пьянство достигло последних пределов, а с ним и разврат». И из этого ясно видно, что 20 протоколов, представленных полицией, акцизным ведомством замалчиваются. Борьба эта трудна и встречает противодействие, она не по плечу и трудна не только для массы крестьян, рабочих и других обществ, но она трудна и не по силам лицам, стоящим у власти. Это видно из стенограммы заседания Государственного Совета. Я прочитаю, что говорил по этому вопросу в Государственном Совете бывший Петербургский губернатор Толь. Он говорил, что борьба нелегко давалась ему. Он говорит (*Чумаем*): «Я долгом почитаю представить вниманию Государственного Совета те соображения, которые привели меня к убеждению в непригодности сих попечительств в деле борьбы с пьянством. Соображения эти, как основанные на личных наблюдениях и почерпнутые из прежней моей деятельности по должности С.-Петербургского губернатора и председателя губернского комитета попечительства, хотя и касаются известной только местности, но думаю, что недостатки, замеченные мной, присущи не одной только С.-Петербургской губ., но, по всей вероятности, распространяются и на другие губернии и кроются, главным образом, в двойственности задач, преследуемых финансовым ведомством и возложенных на него, с одной стороны, положением о казенной продаже вина, а с другой, уставом попечительств о народной трезвости». И далее он говорит (*Чумаем*): «К прискорбию, в скором времени пришлось, однако же, разувериться в этом светлом будущем, так как примирить интересы фиска и интересы филантропа едва ли представляется задачей удобовыполнимой. В подтверждение позволю себе указать на неоднократные пререкания, возникавшие у меня с акцизным ведомством по вопросу о сокращении числа казенных винных лавок, и если представитель финансового ведомства в большинстве случаев охотно давал свое согласие на сокращение частных питейных заведений, число которых в С.-Петербургской губ. мне удалось сократить на половину, т. е. на 50%, то я всегда встречал решительный отпор во всех тех случаях, когда обращал-

ся к акцизному ведомству с просьбой о сокращении казенных винных лавок, несмотря на то, что эти мои просьбы были подтверждены как ходатайствами крестьянских обществ, так и местных земских начальников. Отказ представителя акцизного ведомства обыкновенно мотивировался указанием на возможность появления тайной продажи вина. Быть может, что это и так, но я не могу упустить из виду, что в циркуляре Министра Финансов от 29 декабря 1894 г. твердо выражено убеждение, «что предпринимаемая реформа не заключает в себе существенных условий для ослабления питейного дохода», а при подобном рода заявлении акцизное ведомство очевидно принимало соответствующие меры к удержанию питейного дохода на прежнем уровне». Прежний губернатор дальше свидетельствует, что когда он где-нибудь закрывал питейное заведение, то получал благодарность от женщин тех местностей, где были закрыты питейные заведения. Не могу не привести еще речь члена Государственного Совета Кони в доказательство того, что Правительство не удовлетворяло приговоров. Я считаю это важным привести в виду того, что мне могут иначе сказать, что приговоры не удовлетворялись по каким-нибудь уважительным причинам, а этот человек заслуживает громадного доверия и уважения. Он говорит (*Чумаем*): «По 1 января 1906 г. с открытия попечительств состоялось 1.675 приговоров сельских обществ об упразднении на их земле казенных винных лавок, а из них удовлетворено 545, т. е. менее одной трети. Попечительства о народной трезвости ходатайствовали в 163 случаях, и из этих ходатайств, как значится в официальной справке, получило движение (движение, а не прямое удовлетворение) только 49, т. е. опять меньше одной трети». Так что из этой справки ясно, что на местах борьба с этим злом положительно ни местными организациями, ни общественным управлением не по силам. Нужен закон, закон прямой, закон открытый, закон ясный и закон, в корне подрывающий распространение спиртных «напитков».

Также не могу умолчать о том, что подобными действиями акцизного ведомства, действиями представителей Правительства, народ прямо запуган, народ стараются застрашать тем, что если он будет бороться, то это не пройдет ему даром. Сошлюсь на слова члена Государственной Думы Булата, сказанные им в первую сессию Государственной Думы в 63-м заседании (*Чумаем*): «Я очень часто получал ходатайства о том, чтобы как-нибудь поскорее было установлено, дабы постановления волостных и тминных сходов о закрытии в том или ином месте казенной винной лавки Правительством принимались в уважение; между тем в настоящее время у нас по большей части дело кончается тем, что сход постановит ходатайствовать о закрытии винной лавки, и сейчас же следует дознание полиции, а кто оратор, побудивший к этому? И вследствие этого происходило, что во многих местах не по политическим соображениям громилась казенная винная лавка, а лишь для того, чтобы от них отделаться. Конечно, результат был тот, что люди попадали на каторгу, а казна терпела убытки от погрома». Это, г., подтверждает мои доводы о том, что народу не всегда проходит даром желание отрезвиться. Я укажу еще на одно положение дела, на то, что не то что крестьяне, не то что рабочие могут что-нибудь сделать без закона в этом деле, укажу вам лично на себя*. Здесь в Государственной Думе был поднят вопрос о том, чтобы винокурные заводчики не получали премии.

*) Г. Абрамов на I-м антиалкогольном съезде заявил: «Мин. Фин. борется не за прекращение пьянства, а за увеличение его. В конце ноября (1909 г.) представитель Правительства г. Дриль говорил о вреде пьянства, а другой член Правительства попросил его о выходе и участников собрания оштрафовал.

По этому вопросу меня интересовало, кто эти винокурные заводчики, так близко лежащие у сердца Министра Финансов, кто такие получают эти премии. Поэтому я бумагой обратился к Главному Управлению неокладных сборов и казенной продажи питей, — это было 14 мая 1909 г., — чтобы мне сообщили список лиц, владеющих винокурными заводами и получающих премии. Мне ответило Министерство Финансов (*Читаем*): «Вследствие заявления вашего от 14 сего мая имею честь сообщить, что в Главном Управлении неокладных сборов и казенной продажи питей именных списков винокурных заводчиков не ведется и потому желание Ваше иметь такой список, к сожалению, не может быть исполнено». Представителю народному, желающему всесторонне рассмотреть вопрос, желающему иметь всевозможные материалы, ими руководиться и выводить свое заключение по первоисточникам, ведомство отказывает. Разве это порядок, разве это может быть терпимо? (*Слева рукоплескания и голоса: верно*). Мы бросили свои дела, свои семьи и хозяйства и по слову Государя Императора явились, чтобы пересмотреть недостатки закона, ввести нужные законы, а нам Правительство в это время руки и ноги обрубают и говорят: не смейте узнавать, где правда лежит. Дальше я не могу не указать на следующее положение. Здесь прошлый год был съезд по борьбе с пьянством, все доклады были вперед присланы, бюро их просматривало, участники все вперед записались, и всем известно было, кто придет, и что же в результате? А в результате, часть докладов, которая касалась винной монополии, было запрещено читать. Гг., что же это такое? Обо всем, о чем угодно говорить можно, можно говорить безнаказанно о самодержавии, можно говорить о правах его, а вот о винной монополии, говорят, не смейте, и говорить. Гг., да разве это здоровое начало? Скажу более, крестьянские делегаты, бывшие на этом съезде, были арестованы и высланы из Петербурга, говорят, из-за политики, но ведь если бы была политика, они были бы судимы. Насколько известно, и делегаты рабочих были высланы, а за что высланы? А за то, что они проповедовали трезвость. Скажу больше: съезд по борьбе с пьянством вынес постановление, чтобы второй съезд в России борцов за трезвость собрался через два года. Выбрано было бюро. Это бюро нащупывало почву у Правительства, когда же можно собрать съезд. Я, если память мне не изменила, помню, что, кажется, в марте месяце, в заседании комиссии по охранению народного здоровья, где были и представители бюро, к ним обратились с вопросом, а как же дело со съездом? Когда же будет съезд? Они заявили, что они нащупывали почву у Правительства, можно ли, но им сказали, что с этим вопросом нужно повременить, считают, что второй съезд, съезд по вопросу о борьбе с пьянством несвоевременен. Гг., чего боятся, чего страшатся? Того, что народ скажет, что хотя стыд не дым, а глаза все-таки ест. И вот, что делегат рабочих сказал на этом съезде (*Читаем*): «Стремление рабочих вступить на путь активной и организованной борьбы с алкоголизмом на первых же шагах встретило решительное противодействие со стороны власти. Так,

в Петербурге не разрешали обсуждать вопроса о мерах борьбы с пьянством на собраниях в профессиональных союзах и в рабочих клубах. Предпринятая рабочими анкета конфискована полицией. И к довершению всего рабочие делегаты на съезде, в числе 12 чел., обсуждавшие доклады к предстоящему съезду, были арестованы. Нечто подобное наблюдалось в Москве и других городах». Гг., вдумайтесь, что происходит. Все мы недавно по воле Государя Императора начали собираться и обсуждать разные свободы. Манифест 17 октября дал полную свободу народу собираться на съезды и устраивать свои дела, но, стало быть, этот манифест не коснулся кабацкого дела; к нему не прикасайтесь и руки от него прочь. Депутат Предкальн говорит (*Читаем*): «Вот предо мной резолюции, написанные рукой одной из участниц собрания делегатов рабочих организаций на съезде, которая была арестована 15 ноября с. г. (1909) при обсуждении докладов, предназначенных к съезду. Эта резолюция гласит: 1) идея трезвости должна пропагандироваться среди рабочих; 2) борьба с пьянством должна стать частью общеклассовой борьбы рабочих; 3) пропаганда должна вестись не за умеренность, а за абсолютное воздержание; 4) в борьбе с пьянством допустимы соглашения рабочих с организациями нерабочими. Люди, принявшие эту резолюцию, сидят теперь в тюрьме». Гг., не могу еще не указать на одно вопиющее безобразие. В России образовалось общество врачей-трезвенников, они представили свой устав и внесли его на утверждение. И что же мы видим? Им было отказано в регистрации по формальным причинам — и это российскому медицинскому обществу врачей-трезвенников, постановившему себе целью объединение всех врачей трезвенников. Всякая попытка общества, селений, городов, лиц, рабочих встречает противодействие и не всегда благополучно кончается это для начинающих дело. Также считаю вам, гг., необходимым еще представить один протест от 20-ти-миллионного населения, которое населяет Россию, магометан. Вот что я от них получил. Деша из Уфы (*Читаем*): «Всем известно, что мусульманам, как употребление одурманивающих «напитков», так и торговля ими, строго воспрещены религией и потому являются по правилам шариата делом богопротивным, греховным; помимо вреда в экономическом и гигиеническом отношении потребление алкоголя наносит мусульманскому населению еще непоправимый вред в духовно-нравственном отношении, ослабляя в населении религиозное чувство, приучая его относиться с пренебрежением к законам религии. Мусульмане 15 селений разных губерний неоднократно, как непосредственно, так и через своего главу духовенства Оренбургского муфтия, ходатайствовали перед местными губернаторами, Министрами Финансов и Внутренних Дел об избавлении их от винных и пивных лавок; несмотря на все ходатайства мусульманского населения и муфтия о закрытии винных и пивных лавок, последние продолжают существовать в мусульманских селениях, губительно действуя на мусульман, которые, обращаясь к Правительству, не допускали мысли, чтобы оно, производя ныне винную торговлю, не обратило внимания на наносимый вред той части населения, для которой спиртные «напитки» воспрещены религией. Мы, подписавшиеся мусульмане разных местностей, во имя сохранения твердых устоев нашей религии, обращаемся с ходатайством к вам, избранники народа, за содействием вашим к закрытию винных и пивных лавок во всех мусульманских

селениях, как противных и недопустимых правилами мусульманской религии». Масса здесь есть подписей лиц, известных в том крае. Это, г., не частное письмо, это депеша от целого мусульманского народа Уфимской губ. И что же вы думаете, что здесь говорится? Они ходатайствовали как общество, ходатайствовали через главу своего духовенства, как через нашего все равно архиерея, через их муфтия, ходатайствовали у губернатора, у Министра Финансов, Министра Внутренних Дел, и все ходатайства, вопреки их религиозному учению, остались без уважения. Г., мусульмане имели право протестовать против Правительства и они были бы правы, если бы этот протест выразили в более резкой форме, чем только одно заявление. Но это, г., касается только России. Я не могу не указать на порядки финансового ведомства, на порядки, царящие вне пределов нашей коренной России, я хочу указать, как наше Правительство относится к Финляндии, которую мы хотели бы привести себе в повиновение. Мы желаем, чтобы там был установлен более правильный порядок, как говорят, но вот что финляндцы по этому вопросу говорят (*Чумаем*): «В Финляндии открыта поголовная и всенародная борьба с потреблением спиртных «напитков»; их сейм принял закон, который говорит, что отныне ни готовить, ни провозить, ни ввозить, ни торговать спиртными «напитками», имеющими крепость, – если не ошибусь, – более 8°, нельзя». Причем эта страна, ведь, свободная и когда такой манифест вынес их сейм, то народ встретил его ликованием и была устроена иллюминация, не наша разбойничья «иллюминация», а в настоящем смысле, и ученики были отпущены из школ в этот день. И вот такой святой закон, полезный для народа, нашим Правительством не был утвержден. Чего просила Финляндия – как каких-нибудь больших против нас, или просила каких-либо ассигнований из государственного казначейства, или просила какой-нибудь себе свободы, от нас отделиться и отдаться какому-нибудь другому государству или, может быть, это закон против нравственности? Финляндия только хотела пронести закон, который давал бы ей право жить трезвенно, и от этого было бы материальное обеспечение, была бы нравственность в высокой степени и было бы здоровье. И в таком законе отказали. Почему? Я вам отвечу письмом из Лозанны, сообщенным мне доктором Герко (*Чумаем*): «Г. депутат, благодарю вас за документы, которые вы мне прислали, я их перевел, и они меня очень заинтересовали. Я постараюсь их огласить в нашей прессе, дабы сделать известным все, что делается против алкоголизма в России. Я позволяю себе обратиться к вам относительно вопроса, который специально касается Финляндии и косвенно России. Как вам известно, финляндский закон, которым запрещаются алкогольные «напитки», еще не утвержден Государем. Меня извещают из Финляндии, что камнем преткновения является здесь французское правительство, которое желая, распространять французские вина, протестовало против закона, лишаящего пьяниц потребления вина; оно согласно на заключение займа, который русское Правительство намеревается теперь сделать, но под условием возвращения финляндского закона обратно. Наши финляндские друзья просили меня опубликовать это в европейской печати, чтобы осветить столь возможный факт и тем указать русскому Правительству, что опека, которую хочет распространить Франция на Россию и Финляндию, недостойна великой державы». Г., неужели это правда, неужели правда, что Франция из-за своих

материальных выгод, чтобы сбывать свои спиртные «напитки» в нашу провинцию – Финляндию, сказала нашему Правительству не утверждать закон, и неужели наше Правительство подчинилось требованию винокуров? Но ведь это позор для Правительства, позор для страны. Заканчивая все эти указания, г., я считаю необходимым поделиться с вами некоторыми указаниями, некоторыми фактами, что борьба трудна, и что борьба не проходит безнаказанно для лиц, ведущих ее на местах. Предо мной лежат два письма: одно письмо волостного писаря, другое письмо священника. Сначала я думал, что эти господа прибегают к защите моей, как депутата, – что их за что-либо наказали, сочли неблагонадежными, а может быть, они только прикрываются трезвостью, и нет ли тут политической окраски. Оказалось, что мои убеждения были опровергнуты положениями, о которых я буду говорить потом. Сначала я вам доложу эти письма. Вот первое (*Чумаем*): «В мае месяце 1908 г. в м. Мариен-Магдаленен, Вейсенштейнского уезда, была открыта винная торговля фирмы Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича. Торговля эта была открыта с разрешения местной администрации и управляющего акцизными сборами, но вопреки желанию местных волостных сходов и жителей Мариен-Магдалененского прихода. Фактическим содержанием является купец второй гильдии Альфред Иванов Риннеберг. Когда означенная торговля уже существовала семь месяцев, местный народ очень хорошо понял, что торговля эта не приносит никакой пользы, а, наоборот, служит источником пьянства. Драки, буйства и нарушения общественной безопасности и тишины стали все чаще и чаще повторяться. Некоторые крестьяне, подверженные привычному пьянству, израсходывают свои последние копейки на доставляемые из означенной торговли крепкие «напитки». Как сообщают эстонские газеты, один человек – мызный батрак – даже умер вследствие чрезмерного употребления «кристалла», который достал себе из означенной торговли. Даже несовершеннолетние молодые парни покупают из означенной торговли и с тем привыкают к пьянству. Это послужило поводом, что некоторые из местных жителей, видя все то бедствие, пришли ко мне и просили меня написать прошения: одно на имя Эстляндского губернатора и другое на имя акцизного управления о закрытии этой винной торговли и стали собирать подписи под этими прошениями. Однако, этого не допустила местная администрация и прошения были отобраны младшим помощником начальника Вейсенштейнского уезда, второго участка, и я, как автор прошений, был привлечен к следствию за составление означенных прошений. Меня обвиняют, будто бы я агитировал среди крестьян с целью закрыть винную торговлю фирмы Великого Князя Николая Николаевича, и за это комиссар по крестьянским делам Вейсенштейнского уезда. и участка отрешил меня от должности волостного писаря». Вот, г., до какой степени бороться на местах трудно! «23 января сего года я был у г. Лифляндского губернатора по этому же делу. Какая последует от губернатора резолюция мне, пока неизвестно, но полагаю, что меня окончательно увольняют от должности. И все это за то, что я пришел навстречу желанию народа и написал прошения с ходатайством об уменьшении пьянства, о закрытии совершенно вредной для населения винной торговли». И результат тот, по имеющемуся у меня письму, что он даже был выслан. Я думал действительно, что он выслан за политику. Я передал депутату Лифляндской губ. это

письмо, и он мне сказал, что он выслан за политику, а не за борьбу с пьянством. Приведу вам другое письмо, которое мне пишет священник (*Читаем*): «Как трудна и опасна эта борьба! Шесть лет я боролся с этим злом, не одну тысячу людей спас от гибели, сотни семей благословляли мое имя – я всех звал на упорную и продолжительную борьбу с этим злом и что же вышло? Мою деятельность сочли революционной и пошли гонения и страдания за борьбу с водкой, шинками: дознания, обыск, духовное следствие, жандармское дознание, я удален от должности, заключен в монастырь на неопределенный срок, семья голодает, жена совсем больная, и если бы не помощь трезвенников, то положение было бы безнадежное. Когда все это кончится, одному Богу известно. Духом я бодр, совесть моя покойна – преступного я ничего не сделал; готов и еще более страдать, лишь бы Государственная Дума издала закон, если и не полное уничтожения винокурения, то непременно значительного его сокращения, – тогда бы, думается, кончились все бедствия и наступила бы блаженная, счастливая трезвая жизнь. Боритесь, неумолчно говорите, жгите своими словами – Бог вам в помощь и вечная благодарность от всех, желающих счастья своей родине. Замолвите, покорно прошу, обо мне словечко, ради моих детишек, ради тех несчастных, одержимых пьянственным недугом, которые меня ждут и просят моей помощи. Деятельность моя особенно была в Московской губ., в фабричном с. Озеры, почему меня гонят и мучат не только рязанские власти, но и московские. Не оставьте просьбы невинно гонимого и страждущего. При этом имею честь почтительнейше добавить, что как обыск, так и духовное следствие при опросе почти всего прихода под присягой не только не нашли в моей деятельности что-либо преступное, а даже подозрительное». Фамилии этого священника я оглашать пока не буду. Здесь говорили, что против него имеются веские данные политического характера. Для меня это было под сомнением до тех пор, пока в этом не был обвинен один из крупных представителей помещичьего сословия. Предо мной лежит вырезка из «Русского Слова» (№ 272, 25 ноября 1910 г.), в ней говорится следующее (*Читаем*): «В Великолуцком уезде, в своем имении «Выдумка» проживает крупный и богатый помещик Л.И. Виноградов. Липецкую вол., в которой находится имение г. Виноградова, он положительно облагодетельствовал. – Устроил две прекрасных школы, отучил крестьян от пьянства, объединив их в общество трезвости. Помогал отдельным крестьянам и словом, и делом, выручая их в критические минуты из нужды. Любимейшим делом г. Виноградова были народные чтения, на которых он пропагандировал улучшенные приемы обработки земли, указывал на гибельные последствия пьянства. И вот его за это стремление помочь крестьянину быть трезвым, а от этого хорошим работником, его заподозрили в крамоле, арестовали в другом его имении на Кавказе и три месяца гнали этапным порядком домой. Но так как этот крамольник был помещик, а не простой учитель или священник или писарь, то его выслать в Нарым или Якутку без суда было нельзя, и надо было судить. На суде все свидетели показали, что он, кроме трезвости, ничего крестьянам не проповедывал. И суд, понятно, его оправдал»*. Вот этот-то случай и дает мне право сказать, что эти лица: священник и волостной писарь – жертвы произвола властей, которые видят в каждом борце за трезвость крамольника. Но, гг., это все сельские общества, рабочие, крестьяне, духовенство,

помещики. Однако, предо мной лежит документ более серьезной важности, документ, над которым надо задуматься, гг. Дело было в 1906 г., в самом разгаре нашей революционной смуты. Дело происходило в Москве. Москвой управлял в то время генерал-губернатор Гершельман, человек военной дисциплины, человек прямой, честный, открытый.

*) Недочитанное депутатом Чельшовым и кратко переданное своими словами: «Соседи Л.В. Виноградова косились на него: – Балует мужичье! – Какой Лев Толстой нашелся! Надо сказать, Л.И. Виноградов – очень религиозный человек. Вместе с религиозностью в нем уживается широкая терпимость. Толстого он, действительно, почитает, но сам отнюдь не «толстовец». Наблюдавшееся почти повсеместно в 1905-1906 гг. «брожение» среди крестьян коснулось и Липецкой волости. Это «брожение умов» в волости приписали «агитации» Л.И. Виноградова. Начались обыски, аресты. Первым был арестован рассыльный Л.И. Виноградова, местный крестьянин Битюков. Скоро такая же постигла участь и самого Л.И. Виноградова. Он был арестован в другом своем имении на Кавказе и этапным порядком отправлен в Псковскую губернию. На днях Л.И. Виноградов и Битюков предстали перед особым Присутствием петербургской судебной палаты по обвинению в преступных деяниях, предусмотренных 129 ст. угол. улож. Л.И. Виноградову ставилось в вину устройство в Великолуцком имении митингов, на которых он, будто бы, призывал народ к неповиновению властям, неплатежу податей, к отказу давать новобранцев и не исполнять сельскохозяйственные работы в помещичьих имениях: Битюков привлечен как «правая рука» г. Виноградова. Хорошо обоснованное по обвинительному акту на коронном суде – увы! – оказалось совершенно несостоятельным. Показания свидетелей, в числе которых были священники липецкого прихода, о. Князев и о. Беляев, не подтвердили ни одного из предъявленных к Виноградову и Битюкову обвинений. – Призывал обвиняемый Виноградов крестьян к неплатежу податей? – задает вопрос председатель. – Впервые слышу! – изумленно отвечает свидетель. – Как раз наоборот. Наша волость в смуту была самая аккуратная по уплате податей... – И самая спокойная – добавляли другие свидетели. – Если у нас и не было в 1905-1906 гг. беспорядков, так только благодаря доброму влиянию на крестьян Л.И. Виноградова. Свидетели-священники показали, что деятельность г. Виноградова носила исключительно просветительный и благотворительный характер. Единственным свидетелем, говорившим не в пользу Виноградова и Битюкова, был становой пристав Боровский. Палата вынесла Л.И. Виноградову и Битюкову оправдательный приговор».

Перед мерами, которые повели бы к установлению порядка, перед мерами, которые прекратили бы безобразное поведение всяких босяков и хулиганов, он не останавливался. И вот, этот генерал-губернатор видит, что все преступления совершаются, как я уже докладывал здесь и доказывал статистикой и исследованиями ученых, совершаются в 90% под влиянием отравления спиртными «напитками». Он видел, что от закрытия продажи в казенных винных заведениях не уменьшалось пьянство, потому что из этих казенных заведений водка распродавалась большими партиями шинкарям. Когда он спросил, почему не преследуют, ему доложили, что карают мало. Тогда он своей властью генерал-губернатора, властью широкой, властью безграничной в то время, начинает сам карать шинкарей, карать больше, чем полагалось карать. И что же вы думаете? Этому генерал-губернатору акцизное ведомство сказала: руки прочь, ты вешать, расстреливать артиллерией можешь,

но карать шинкарей не смей (*Смех слева*). Гг. что это такое? На этого генерал-губернатора, верного слугу Царя и родины, была подана жалоба в Сенат, что он незаконно действовал. Что же можем сделать мы, простые обыватели, когда генерал-губернаторам зажимают рот и отдают их под суд? Гг., факт обнаружения всех этих событий заставляет нас серьезно подумать о том, что есть какое-то тайное, какое-то неизвестное стремление расширить пределы распродажи спиртных «напитков», чтобы никто против этого не мог протестовать, даже и генерал-губернаторы. Мы видим, что генерал-губернатор стремился восстановить порядок, а из сказанного можно вывести заключение, что порядок может быть восстановлен Правительством только сильными мерами, до расстрела включительно, но восстанавливать порядок при помощи трезвости Правительство не признает возможным. Могут сказать, что это было давно, что эти времена прошли, что теперь заседает третья Государственная Дума, в которой этот вопрос поднят, что Правительство внесло закон и теперь этого уже не может случиться. Но, гг., жизненные события говорят противное. Вчера я получил вырезку из «Петербургской Газеты» и я вам ее прочту. Известно, что сейчас заседает всероссийский съезд ремесленников, рассматривающий вопрос о том, как можно наилучшим порядком и при наилучших условиях обставить нашу ремесленную промышленность, какими мероприятиями можно улучшить ее и как можно правильнее вести дело (*Читаем*): «Вчерашнее заседание второго всероссийского съезда ремесленников, под председательством В.С. Бородаевского и в присутствии представителя главного почтово-телеграфного ведомства, носило очень оживленный характер, благодаря насущному вопросу о кредитовании ремесленников и о ссудах, которые выдавались бы отдельным лицам или ремесленным управам. В самый разгар прений слово дается депутату Киселеву, который предлагает своеобразный способ кредитования, когда без всякой посторонней помощи, без кредита, можно будет иметь наличный капитал. Естественно, что собрание сильно заинтересовалось оригинальным способом обогащения и просило оратора высказаться подробнее. Самый лучший способ иметь всегда деньги – это обратиться к Правительству с просьбой закрыть винную монополию и, как на поборника в деле искоренения пьянства, указывал на депутата Чельшова. Дежурный представитель полиции делает предупреждение и просит не касаться этого вопроса» (*Смех слева; Рожков, с места: это по глупости сделано*). Я на эти замечания с этих скамей (*Указывает налево*) отвечать не буду. Это ниже моего достоинства (*Рукоплескания справа*). Гг., это совершилось недавно; собрались туда трудящиеся люди, несущие на себе всю тяготу работы, наши рабочие с мозолистыми руками, и указывают на одну из причин, почему обеднела рабочая среда, отчего трудно работать; они ясно пришли к заключению, что эта причина есть употребление спиртных «напитков». Ведь есть даже пословицы, которые говорят, что некоторые сословия – пьяницы. Наши портные, сапожники, маляры, столяры, слесаря подвержены этому губительному пороку. Вот, съехавшиеся люди и говорят, что это единственное средство и верное средство; без «напитков» нам никаких ссуд не надо от Правительства, мы сами проживем. В то же время теперь держиморды по этому вопросу нам говорят: не смей говорить. Гг., это позор для страны и для нас, когда мы здесь сидим, а свобода слова попирается в таком вопросе, который

интересует крестьянские массы и рабочие массы, в угоду каким-то винокурам. Гг., это опять не так важно; говорят, что, может быть, чиновник по глупости это сделал, сказал это, не подумав; но вот я напоминаю, что совершается в этих стенах. С этой высокой трибуны я имел честь докладывать и доказал, что пьянство среди учащихся есть, и внес поправку, чтобы преподавание трезвости было введено в наших начальных школах. Дума приняла это, приняла в лице лучших своих представителей, тех, у кого совесть есть. Недавно получаю из комиссии по школьному образованию материалы, где сделана сводка, как принят закон, какие поправки внесены, какие поправки принимаются, и что же вижу? Министр Народного Просвещения эту поправку о том, чтобы в школах преподавались сведения о вреде спиртных «напитков», эту поправку просит исключить. Ведь я доказывал, что во всем мире введено преподавание о вреде спиртных «напитков». Весь мир признает это полезным, только наше Правительство не считает нужным подрастающее поколение воспитывать в трезвых началах. Надо подумать об этом. Говорить меня заставляет то, что борьба на местах непосильна ни отдельным обществам, ни административно стоящим лицам, – никому до тех пор, пока Правительство, в лице министров, руководителей всей внутренней политики страны, не сознает, что далее идти по этому позорному пути нельзя, а без этого все наши попытки отрезвить население разобьются. В недалеком будущем результаты этого положения страны грозят пожаром, который будет сильнее, чем во время Пугачева. Ясно, что идет борьба: с одной стороны стоит народ, несущий все тяготы на себе как по содержанию государства, так и по защите его, с другой стороны стоит Правительство, в особенности винное ведомство, которое парализует всякие попытки народа в этом направлении. Но если мы серьезно обратим на это внимание, если мы по воле Государя призваны сюда указать на недостатки в стране, если мы серьезно не взглянем на этот вопрос, не выскажем смело и беспристрастно наше желание, не руководствуясь ни материальными выводами, ни своим официальным положением, а как под присягой обязанные говорить правду пред Богом и Царем, если мы не выскажем правды по этому вопросу, то мы не будем теми народными представителями, какими бы нас хотел видеть Государь Император. Но здесь возникает вопрос, из-за чего мы здесь боремся? Народ хочет быть здоровым и материально обеспеченным, а Правительство говорит: нам нужны деньги, и поэтому применяется такая система. Но одни ли деньги нужны? Я сомневаюсь. Некоторые факты, некоторые события дают мне право думать, что не только деньги нужны этому винному ведомству, состоящему не всегда из русских людей, а что другое нужно от русского народа (*Рукоплескания справа*). Гг., они применяют финансовую систему взимания налогов чрез спиртные «напитки», они применяют ее и говорят, что другой системы нет, что лучшей системы нет и даже изобрести невозможно. Они говорят, что народ все равно будет пить, пока у него есть желание пить. Я говорю, что они тем самым идут навстречу пагубному влиянию; они не могут ничего противопоставить, чтобы это пагубное желание было парализовано. Я приводил данные из доклада Дзюбинского. В Сибири продажа спиртных «напитков» раньше была запрещена, но ее насильно ввели; магометане также её не хотели и ее опять-таки насильно ввели. Значит, они преследуют что-то другое. Чтобы не быть голословным, что потребление

спиртных «напитков» можно прекратить, я не буду говорить от себя, так как мои слова, слова простого крестьянина, человека необразованного, фанатика, могут сказать, не имеют значения. Я вам приведу слова великого государственного деятеля, творца винной монополии, бывшего министра финансов и председателя Совета Министров, гр. Витте. В Государственном Совете он говорил следующее: «Несомненно, мы имеем все, кроме денег. Как же эти деньги достать? Вот, здесь является вопрос, и я бы не решился сказать, что можно и необходимо доставать эти деньги только посредством обложения. Это зависит от того, какое это обложение. Я бы считал, что, может быть, можно это делать и посредством займа. Я заранее говорю, и об этом буду иметь случай еще раз говорить, что, по моему мнению, было бы хуже всего добывать эти деньги, опять-таки обращаясь к питейной монополии; это было бы самой ужасной вещью, с моей точки зрения. По моему мнению, лучше сделать какие угодно займы, но из винной монополии делать инструмент исключительно фискальный, это я скажу – извините, может быть, резко – просто грех». Дальше он говорит то, что он не может согласиться, что нельзя убавить потребление спиртных «напитков». Он говорит следующее (*Читаем*): «Я готов спорить, я готов ручаться за то, что если только вы пожелаете, чтобы потребление вина уменьшилось, напр., на 50.000.000 р. в год, то я убежден, что это можно легко уменьшить». Гг., это говорит мастер этого дела, говорит тот, который создал эту промышленность, это говорит не Челышов, это говорит творец винной монополии. Дальше он говорит (*Читаем*): «Не подлежит никакому сомнению, что от вас зависит повернуть руль в другую сторону, если вы чувствуете себя в силах и достаточно смелыми это сделать; если же сделать вы этого не можете, то напрасно печалиться о том, что у нас потребление вина все увеличивается и увеличивается, ибо я удостоверяю, я утверждаю, что в течение полутора, двух месяцев можно выработать такие меры, которые бы уменьшили в значительной степени потребление вина. Для меня это – несомненно, потому что я близко этот вопрос знаю; я могу прямо указать, какие меры употребить, чтобы это сделать, если это нужно; эти меры могут быть со временем не вполне действительны, и не раз будут обходы тех мер, которые я мог бы указать, но тогда можно принять другие меры, но тем не менее, факт тот, что в желудок русского человека на 50.000.000 – 100.000.000 р. будет входить меньше водки, и этот факт несомненный. И смотрите, гг., на это дело реально, когда говорите о бюджете» (*Голос в центре: что такое?*). Далее он говорит: «Меня крайне поразила заметка, которую я прочел в газетах, что опять хотят винт нажать и хотят нажать с той точки зрения, что нам нужны будут деньги; так вот, хотят увеличить цены на вино; если хотят увеличить на 30 р. – пожалуй, но если хотят увеличить только на то, чтобы, не уменьшая количества водки, впускаемой в желудок, побольше взять с народа денег, то я скажу и утверждаю, что всякий налог и всякий заем лучше, чем эта мера». Гг., повторяю, слова эти не мои, это говорит сам бывший министр финансов, создавший винную монополию, человек знающий, что можно убавить потребление спиртных «напитков». Значит, Правительству известно, что можно сделать, но оно не хочет слушать мастера этого дела. Но дальше, что он говорит: «Питейная монополия, несомненно, есть такое орудие, как, напр., нож, которым мы и хлеб резать можем, и горло разрезать можем». Вот последним-то

орудием наше Правительство так пользуется что, действительно, режет русский народ, крестьянство, рабочие массы системой взимания налогов чрез винную монополию (*Рукоплескания слева*). Но я вам говорю, гг., что есть какая-то скрытая причина у Правительства поддерживать эту систему взимания налогов, что они говорят одно, а думают другое. В разгаре, может быть, своей речи гр. Витте откровенно высказал, или, может быть, не сдержал себя, или находил нужным так высказать, – во всяком случае, в Государственном Совете он заявил следующее: «питейная монополия несколько ушла от той цели, которую имел в виду Император Александр III, по обстоятельствам, может быть, вполне уважительным и вполне понятным, так как питейная монополия оказала величайшую фискальную услугу в трудные времена. Я привожу в пример, что, когда я был председателем Совета Министров и последовал известный манифест, чтобы не вносили подати, то внутри души я над этим смеялся, потому что говорил себе – прямых налогов, пожалуй, вы и можете не вносить, а водку пить будете». Гг., вот, где сказала другая душа, вот, где стало ясно, что им нужно это для того, чтобы выжать из народа деньги, – но с какого народа? Я говорил, – и повторяю сейчас, – что 740.000.000 р. получают с населения чрез водку, из них 700.000.000 р. берутся с крестьян и рабочих масс и только 40.000.000 р., не больше, берутся с обеспеченных масс; остальные тяжелым бременем, ужасным гнетом давят трудящиеся рабочие массы. Гг., кажется, теперь ясно для вас, что мной доказано от лица нашей комиссии, – доказано то, что торгуют под видом водки ядом, торгуют ядовитым раствором; доказано, что раствор этот ядовитый, большой крепости; доказано, что финансовая комиссия на этот вопросе смотрит иначе, чем мы; она не говорит, что это яд, а мы говорим, что это яд, и на этом строятся все наши положения; мной доказаны также последствия отравы: какие ужасные последствия образовались в народной жизни, как результат отравы народа; указан мной и рост преступности от потребления спиртных «напитков»; мной также доказано, что рост пьянства есть и среди женщин; также доказано мной вам, что пьянство проникло и в наше подрастающее поколение, в нашу школу. Мной также обращено ваше внимание на то положение, что это отравление проникло и в нашу армию и проникло в порядочной степени. Я указал вам, что результат увеличения потребления спиртных «напитков» есть результат увеличивающихся самоубийств. Я также доказал вам, что потребление спиртных «напитков» является причиной громадной смертности: смертности непосредственно от опоя около миллиона ежегодно. Я также доказал вам, что это пьянство у нас есть, и доказал вам, что пьянство растет; а также разоблачил вам ясные ссылки на заграницу, будто мы можем утешаться, можем спать спокойно, будто у нас пьют немного, что за границей пьют больше; я доказал вам, что эта ссылка неверна и не должна служить основанием для выводов по этому вопросу. Я также доказал вам, как трудна борьба без закона. Все это, гг., кажется, я по мере сил моих доказал, но, понятно, все мои доводы, все указания, все материалы, все мои факты, которые я имел честь доложить, послужат материалом и опорой для решения только для тех членов Государственной Думы, которые желают видеть родной народ, которого они кость от кости, плоть от плоти, родным себе народом, не отвлекая из этого никаких материальных выгод. Но для того, чтобы уничтожить все это разъедающее зло, нам

необходим закон, нам нужно вооружить народ и общество статьями нашего закона, хотя и слабого закона; да, г., я не считаю, что вопрос им исчерпывается: этого закона мало, недостаточно, это только начало, – этим законом будет положен в России только первый камень, и на нем уже создастся в будущем полная, абсолютная трезвость, когда алкоголь будет продаваться только в аптеках.

Но, г., доживши все это, я не могу не указать еще на некоторые положения: нам часто приходится слышать, – нам, людям простым, непросвещенным, темным, часто этим затыкают рот, – что бороться мерами, предложенными комиссией, нецелесообразно, – что эти меры нехороши, что эти меры не достигают результатов, а что нужно бороться поднятием народного просвещения, поднятием народного образования: ведь, когда вы народ образуете, тогда пьянство прекратите. Это говорят в печати, это говорят массы интеллигентных лиц; на вопль народа: уберите кабаки, давайте просвещение – только слушают и усмеваются. Вот поэтому, заканчивая свою речь, я не могу не остановиться на этом вопросе. Верно, г.: образование – это самое могучее оружие для борьбы с пьянством, потому что образование может отучить общество от обычая угощать вином при всяком удобном и неудобном случае; образование даст понять, что это яд, но образование, которое ведется у нас, это – не образование. Примите во внимание попытку Народного Просвещения отклонить поправку, принятую Думой, о том, чтобы в школах не преподавали, не знакомили с действием спиртных «напитков»; если образование будет замалчивать об этом вреде, то это будет зло, это будет – не образование, а развращение; если же образование об этом не будет замалчивать, то оно принесет пользу, как оно приносит ее за границей. Но в то же время я заявляю, что как бы эта мера ни была сильна, но на нее одну – на образование надеяться нельзя; одним образованием мы можем достичь этого в России самое меньшее через десять лет. Мы это хорошо сознаем. Не надо забывать, что начальное образование Государственная Дума постановила ввести в течение десяти лет, но для того, чтобы ввести в России начальное образование, законопроект о котором будет рассматриваться в понедельник, каждый год нужно давать по 10.000.000 р., – так, кажется (*Голоса: верно, верно*). Так вот, давая на образование по 10.000.000 р. в год, мы только через десять лет будем иметь полное начальное образование; но время, г., не терпит, время не ждет, – поэтому ждать, когда через десять лет мы сможем вступить в борьбу против пьянства посредством образования, мы не можем. Крестьяне на их просьбу помочь им в этом отношении, а также на свои заявления и пожелания от всех, и от учителей, и от врачей, и от интеллигенции, часто слышат слова, которые я повторяю для того, чтобы всем это было известно: вот сначала введите всеобщее образование, и тогда пьянство прекратится! Но это неверно, потому что сейчас еще держатся взгляда, о котором я вам скажу словами Фамусова, который говорит (*Чумаем*):

«Что за беда.

Коль выпьет лишнее мужчина! –

Ученье – вот чума,

Ученье – вот причина!»

Но на образование нужно время, а тем временем надо бороться. Я хочу привести вам в доказательство моих доводов, что на одно образование нельзя надеяться, еще мнения ученых, так как в последнее время я считаю свои слова неубедительными для вас и для общества.

Я процитирую вам суждение проф. Сикорского, который говорить (*Чумаем*): «Пока успеет развиваться образование, пока разбогатеет русский народ, необходимо беречь единственное его богатство – нервы, мозг, охраняя их от ядовитого, всеразрушающего действия алкоголя». Вот что пишут из провинции (*Чумаем*): «С прекращением пьянства поднимется просвещение, найдутся деньги; напр., пропиты деньги хватили бы на введение всеобщего обучения во всех 12 уездах Костромской губ., где 46% всех детей остаются даже без начального обучения и где по вычислению земства на 54 новых школы нужно 118.800 р., а в казенку отдано 8.588.900 р.». Г., народ относится охотно к просвещению, принимает его охотно; сам содержит школы и никогда не гнал учителей, а кабатчиков гонит. Говорят еще о том, что бороться с народным пьянством нужно путем разумных развлечений; говорят, нужно крестьянам, рабочим показать хорошую картину, почитать умную книгу; от этого он будет лучше и не будет пить. Я с этим не соглашусь. Да, разумные развлечения отвлекают народные массы от кабака, занимают у него время, которое он мог бы потратить от скуки на употребление спиртных «напитков». Но надеяться только на одни интеллигентные развлечения нельзя. Я напому, какие ужасные преступления совершаются в пьяном виде. Является пьяный отец домой, бьет свою беременную жену, мать его детей, грудных младенцев выбрасывает на мороз, часто убивает до смерти. Наутро, когда он увидит жену в синяках, детей изуродованными, неужели такая картина ужаса на него не подействует? Неужели у трезвого нет совести, сострадания и жалости? Неужели жалость к детям не охранит на будущее время от этого? Нет, г., на другой день, получая деньги за заработок, он опять возвращается к прежнему. Поэтому, все эти указания на то, что разумные развлечения сделают весь народ трезвым, не совсем верны. Я хочу указать вам еще на следующее положение: действительно, г., образование принесло бы свои плоды, если бы оно, безусловно, гарантировало от пьянства. Я хочу указать, что это положение, имело бы основание, если бы образованные тоже не были бы подвержены этой болезни, если бы образованные тоже не пили. Скажите мне, что образованные не пьют? Пьют, да еще как. Вот передо мной лежит вырезка из газеты «Новое Время», которое говорит, как недавно справляли в Москве студенты Татьянин день. Это, кажется, люди образованные, находящиеся под влиянием воспитанных культурных, образованных профессоров. Вот я прочитаю, – прочитать необходимо, потому что их скотское поведение действительно возмутительно, – (*Чумаем*): «12 января, как известно, в Москве празднуют «Татьяну», т. е. юбилейный день университета, и все московские газеты на другой день систематически описывают празднование под рубриками: «У Яра», «В Стрельне», «У Марьяныча» и т. д. Вот отрывок из этого нового героического эпоса «без заглавия»: «все неистово кружатся в танце. Обнимаются, целуются, садятся верхом друг на друга. Вдруг, при несмолкаемом хохоте один из студентов ныряет в бассейн; далеко расплескиваются брызги» и т. д. Г., ведь это студенты, – люди, кончившие гимназию, находящиеся в стенах высших учебных заведений, – кажется, люди вполне просвещенные; между тем, они ведут себя так же, как и наши крестьяне и рабочие, когда они находятся в этом скотообразном состоянии. Чтобы не быть голословным, я не выхвачу один, два факта из жизни, а укажу еще на следующее. Приват-доцент П.В.

Безобразов пишет (*Читаем*): «Меньше всего пьют в Италии; а народное образование там гораздо ниже, чем в Англии. Воспитывать детей с дурными задатками очень трудно, иногда совершенно невозможно, а мы постоянно твердим о воспитании и вертимся, как белка в колесе». Приводя примеры пьянства интеллигенции г. Александровский спрашивает в «Одесском Листке»: «И, быть может, потому, что так сильно предается алкоголю наша интеллигенция, вопрос о народном пьянстве так долго оставался у нас забытым вопросом». Около 25% русских женщин интеллигентного круга страдает, по заявлению доктора Никольского, «алкогольным циррозом» (затверждение печени). Гг., если бы было такое положение, что образованные народы не пили бы, если бы это было так за границей, то вышеупомянутая ссылка на образование могла бы быть для нас убедительной; но пьют богатые и образованные как у нас, так и за границей. Вот какие результаты новогоднего пьянства в Москве сообщают нам; приведу несколько цифр (*Читаем*): «В ресторане «Метрополь» в новогоднюю ночь выпито 1.370 бутылок шампанского; в «Эрмитаже» – 580; в «Золотом Якор» – на 4.500 р. Виноторговля Девре продала одного шампанского 2.000 бутылок, расход остальных вин был во много раз больше». А «Яр», а «Мартьяныч»? А тысячи других ресторанов? В 1905 г. Москва выпила 114.589 бутылок ликеров; виноградного вина 78.408 пуд. и шампанского 287.211 бутылок. – В Петербурге выпито 4.000.000 бутылок шампанского, т. е. около 30.000.000 р. А ликера? А вина? А коньяку? Выпито на столько, что нет возможности подсчитать. Кто же это пил? Шампанское пьют не рабочие, не крестьяне; кто же пьет, значит? Таким образом, указания, которые нам будут делать и которые есть в законопроекте Министра Финансов и в законопроекте финансовой комиссии на то, что правильной мерой для борьбы с пьянством будет культурное поднятие общества и образование населения, с приводимыми цифрами не согласуются; эти указания не верны. Точный исследователь – доктор Гротер подтверждает, что в Англии ряды пьяниц пополняются преимущественно образованными людьми*.

*) „Русская Земля” (14 марта 1910 г.) приводит такой случай: Московский доктор медицины П.С. Г – ов, явившись в манеж на птичью выставку и будучи пьян, стал приставать с грязными предложениями к дамам. При составлении протокола предложил околоточному взятку, которая и была приложена к протоколу: из полиции, вместо дома, он явился снова в манеж и устроил скандал и был запротоколирован и отправлен в участок.

В Рыбинске возникло «общество интеллигентных пьяниц», которое насчитывает много членов, все занятие которых – чрезвычайное пьянство. Наши талантливые писатели: Щапов, Левитов, Успенский, Мей, Помяловский, Решетников и др. из-за пьянства безвременно сошли в могилу. Наши актеры, художники и многие представители искусства тоже подвержены этому губительному пороку. Гг., может быть, это указание частное, указание мое личное; но я укажу на исследования доктора Никольского по его анкете «Алкоголизм среди студентов». Он говорит следующее (*Читаем*): «§1. Количество студентов, употребляющих те или другие спиртные «напитки», весьма значительно, колеблясь от 58,3% (в Харьковском университете) до 71,5% (Юрьевском) всего числа студентов, в Горном Институте – 62,3%, в Технологическом Институте 66,5% и в Московском университете – 64%;

§2. Наибольший процент пьющих приходится на возраст от 20-23 лет из общего числа пьющих: в Горном – 13-14%, в Технологическом – 16%; §3. Возраст, с которого начинают пить учащиеся, колеблется, начиная с 7-8 лет и до 25 лет. В среднем, наиболее всего приходится на возраст между 15-20 годами: так в Горном – 57,1%, в Технологическом – 54,3%, в Московском – 71% в Юрьевском – 72%; §4. Распределяя эти данные по учебным заведениям, получаем следующее: в младших классах средних учебных заведений (до 16 лет) – в Юрьевском университете 32,5%, в Технологическом – 39,2%, в Горном – 32,4%; в старших классах тех же заведений (с 17-20 лет) – в Юрьевском – 40,3%, в Технологическом – 33,7% в Горном – 40,2%; в высших учебных заведениях (21-25) в Юрьевском – 4,8%, в Технологическом – 3,1%, в Горном – 6,5%, в тех же заведениях в возрасте 25 лет и выше – в Юрьевском – 0,1%, в Технологическом – 1,9%, в Горном – 0,4%. – Следовательно, наибольший процент начинающих пить приходится на возраст, когда учащиеся находятся еще в средних учебных заведениях. – § 5. Поводы, послужившие толчком к употреблению спиртных «напитков», различные, но преобладающими были товарищество, компания (до 30%), «дурачество» и «без всяких мотивов» (около 8-9%), «для удовольствия» (около 4-5%), различное душевное состояние от (6-7%) и т. д. – Далее многими отмечалось, что причиной начала выпивки является обстановка средней школы, при чем особенно подчеркивается влияние в этом семинарской среды. – §6. Что касается состава «напитков», употребляемых учащимися, то они различны, но наиболее всего пьется пиво или водка, или то и другое вместе. В Горном и Технологическом на пьющих спиртные «напитки» (кроме пива) приходится 15-16%, на пиво – 19%, то и другое – 45,6%. В Московском университете пьющих водку – 30%, пиво – 34,2%, вино – 33,1% и коньяк – 2,7%.; §7. В большинстве случаев пьют спиртные «напитки» случайно – до 98% и в немногих случаях постоянно – 1,5-2%. Но, при этом, почти от половины до двух третей пьющих напиваются допьяна: в Московском университете таких – 47,5%, в Горном – 61%, в Технологическом – 50%. Частота такого опьянения различна: в Технологическом и Горном допьяна напиваются от 1 до 10 раз в месяц – 11,1%, напиваются столько же раз в год – 15,6% редко – до 20%; §8. Расходы на спиртные «напитки» колеблются от 20-50 к. до 15 р. в месяц; наибольший расход приходится от 50 к. до 1 р. в месяц (9,2%), затем от 2-3 р. (8,0%) и от 1-2 р. (4,6%)». – Вот, гг., из этого ясно, что студенчество наше, получающее образование в стенах высших учебных заведений, подвержено этому пороку. Далее, §9 говорит (*Читаем*): «Помимо вредных последствий, которые являются спутниками потребления спиртных «напитков», нельзя не указать одного весьма важного и серьезного последствия – это после выпивки посещение публичных домов, вольных притонов, т.п. (около 14% в Московском университете), результатом чего является заражение венерическими болезнями. Так в Московском университете сифилисом заразилось в нетрезвом виде – 34,9%, из числа больных сифилисом, мягким шанкером – 30% , перелоем – 40%». Гг., это труд, который ясно говорит за себя, что пьянство образованием не уменьшается. Не могу еще не указать на следующий случай. В Московском университете пьянство служило каким-то героизмом. Студенты даже имели книгу, в которой записывали, кто, сколько выпил и как пили. В высших учебных заведени-

ях Америки пьянство тоже не считалось позором до тех пор, пока сама страна не постановила, чтобы пьянство было прекращено. Но, г., чтобы покончить с иллюстрациями «образованного» пьянства я приведу вам выписку из статьи проф. Фореля. Цюрихский доктор, проф. Форель рассказывает (*Чумаем*): «В 1890 г. в Берлине состоялся медицинский конгресс. И вот, для членов этого конгресса, а также для гостей был дан обед. Собралось 4.000 чел., которыми в течение обеда было выпито: 5.308 бутылок шампанского, 4.721 бутылка Бордо, 3.853 бутылки Рейнвейна, 1.500 бутылок Мозельского вина, 22 гектолитра (144 ведра) баварского пива и 300 порций коньяка. Разбито было посуды на 3.000 марок» (*Голос в центре: где?*) Вы спрашиваете: где? В Берлине, в 1890 г. (*Чумаем*): «Множество этих членов ученой корпорации было подобрано под столами, на лестницах и на улицах»... (*Смех*). Г., этот, только что сообщенный факт, ясно доказывает нам, что надеяться на то, что с поднятием народного образования пьянство прекратится, нет никакого основания, потому что этот проклятый идол имеет поклонников и среди ученых и неученых, среди богатых, и среди бедных. Далее, как пьют рабочие и в какой среде? Магидов говорит (*Чумаем*): «Из анкеты о петербургских рабочих: пьют 93%, причем неграмотных лишь 40%, около 60% состоит в тех или иных рабочих организациях». Доктор Соловьев в течение 16 лет наблюдал жизнь ночлежников и больных в казанской больнице для пьяниц и видел среди них людей образованных с университетским, академическим образованием, студентов всех факультетов и высших учебных заведений, лишенных сана священников, купцов первой гильдии и их детей, помещиков, имевших 2.000 дес. земли, офицеров гвардии и проч. Таким образом, напивались до положения риз и попадали в кутузку люди образованные, люди всех слоев общества; следовательно, ссылка на то, что предлагаемые нами меры не хороши, как полицейские, принудительные, как меры, насильствующие волю каждого, что они не приемлемы, не пригодны, не культурны, и что существует единая спасительная мера – образование, не может быть признана правильной. Из доложенного мной ясно, что надеяться на эту меру и отвергать предлагаемый нами закон, нет никакого основания. Ясно, что если даже всех сделать образованными, пьянство не прекратится, – из доложенного, г., ясно, что вопрос, который стоит пред нашим рассмотрением, требует серьезного к нему отношения; при оценке всех доводов против него нужно все обдумать, чтобы не впасть в ошибку. Теперь я укажу вам на один факт в пользу того, что тот закон, который мы предлагаем, не является новостью. Страны просвещенные, страны культурные, страны образованные уже пользуются этим законом; это страны такие, как Америка, как Швейцария, Финляндия; Франция уже поднимают на очередь этот вопрос, Англия и Исландия тоже. Но, г., я считаю, что доложенного мной пока достаточно для открытия общих прений по этому законопроекту; предстоит еще выслушать докладчиков; есть еще много положений, в отношении которых я считал бы необходимым привести доказательства необходимости нашего закона, но за поздним временем я ограничусь заключением по высказанному. Я уже имел честь вам высказы-

вать, что мной были доказаны все положения необходимости этого закона; но невольно перед всяким возникает вопрос: а как же финансовая сторона этого дела? На это я отвечу вам, что этого вопроса я сейчас касаться не буду, потому что ему я полагал уделить серьезное; большое внимание в финансовой комиссии, я полагал, что он и направлен в финансовую комиссию за тем, чтобы она обсудила, какие результаты даст уменьшение потребления спиртных «напитков»; но финансовая комиссия ничего не говорит о финансовом вопросе, она занялась критикой нашего законопроекта, что нам и будет представлено; касаться же нам в настоящее время финансового вопроса, рассматривая этот вопрос народной жизни, не следует, потому что нельзя спаивать народ, нельзя разрушать народное богатство, заключающееся в его уме, нравственности, физическом здоровье и в материальном обеспечении, из материальных выгод для государства. Ведь этот доход... Назвать его я затрудняюсь; но что-то мне ясно говорит, что он подобен тому доходу, когда мать живет развратом своей дочери, и страна при этих условиях стонет, как отравленная страна, страна гибнет, и народ становится преступным, народ вырождается. Ни один из депутатов не посмеет здесь сказать, чтобы его избиратели не просили, чтобы этот закон был проведен; все мы имеем такой наказ из дома, все просили провести этот закон. В чем состоит наш закон? Мы даем право на местах; пускай само население на местах обсудит; если этот закон нужен, пусть население пользуется им, а если не нужен, то пускай не пользуется; но дадим ему волю над кабаками; волю эту народу надо дать. Я не могу еще не указать на следующее положение. Мы сюда призваны Государем Императором для рассмотрения вносимых Им законов и для выработки законов, в которых нуждается страна, которых ждут от народных представителей. До сего времени мы рассматривали законы, предложенные Правительством, и только несколько законов, пять или шесть, не имеющих государственного значения – маленькие законы – предложены нами, народными представителями, по нашей инициативе. А вот этот закон, возникший среди членов Государственной Думы, по их инициативе, закон, поддержанный всем крестьянским населением, – я говорю крестьянским, потому, что заявляю, что в числе подписавших 194 депутатов были все крестьяне, все духовенство. Я имею право заявить и заявляю, что этот закон возник по инициативе крестьянства и по инициативе духовенства; он будет первым законом, первой пробой нашей мощности и нашей политической и умственной зрелости. Если мы не хотим дать живого закона для страны, то, г., мы не народными представителями будем и не оправдаем возложенного на нас доверия Государем Императором (*Продолжительные рукоплескания*).

Литература:

Челышов М.Д. Речи М.Д. Челышова, произнесенные в третьей Государственной думе о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. – СПб: тип. Александровского общества трезвости, 1912. – 786с.

Предисловие, адаптация и научная редакция текста – профессор А.Н. Маюров

Адрес редакции: 655016, г. Абакан, а/я 327, т.(3903)22-83-29, (913)445-59-06, (923) 278-57-26

E-mail: trezvo@yandex.ru, www.sbnt.ru. Тираж 700 экз.

Главный редактор Г.И.Тарханов, верстка Наталья Соколова.

Редакционный совет: Н.А.Гринченко, М.А.Метелёв, А.А.Токарев

Издается на благотворительные взносы сторонников трезвости, распространяется бесплатно